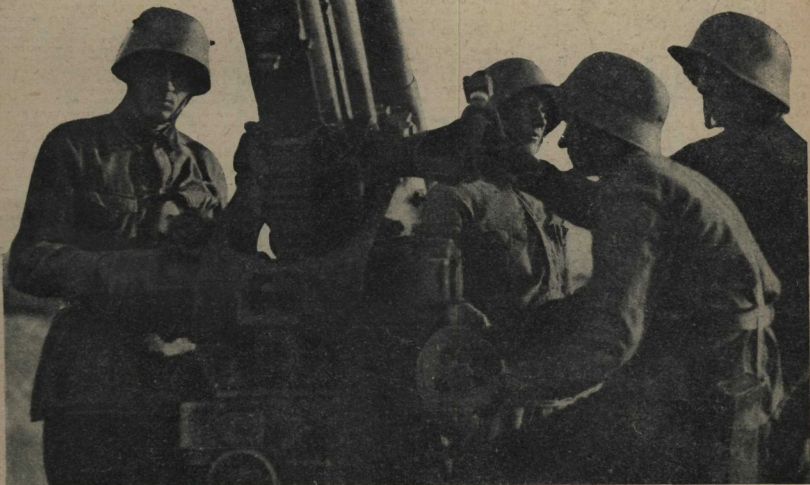

Цена 10 коп.

СМЕНА

3

11 ЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ. Артиллеристы у зенитного орудия.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1929 год

ФИЛЬМ О ДЕКРЕТЕ

(„Простые сердца“. Режиссеры: Верховский и Малахов, оператор Франциссон. Производство Госвоенкино)

Обстановка УЗУ—ждать здесь при-
выкли долго и терпеливо.

Настя в Уэмотделе, где „дожгут от
тоски мужи и стареют посетители“.

У декреторов язык сухой.
У кино — красочный и громкий.
Перевести декрет на язык кино так, чтобы
остался совершенно точным фактический
смысл закона, — дело трудное.
До сих пор попыток этого рода терпели крах.
Трудно сказать, что ждет «Простые сердца»
на экране.

У режиссеров была сложная задача.
У рассказов о том, какими льготами пользуют-
ся семьи красноармейцев и как эти льготы
реализованы.

Легко по декрету множество, дать их все —
означало распылить свое внимание, поэтому
режиссеры выбрали только одну из них:
Право на землю — высшей надежд. Надо
было вокруг надела построить занимательную
фабулу. В результате трудов сценариста и ре-
жиссера получилось следующее.

В деревне или, скорее, на реке живет Петр.
У него сильные руки, старая мать, покосив-
шаяся баба и ни куска земли, — не успел по-
лучить. Вероятно переселенец.

Цельми днами ворохает Петр тяжелые и не-
складные доски парама.

Рядом с избой Петра народная хата Степа-
на. В хате свариная баба и молоденькая дочь
Настя.

Настя и Петр влюбленные.
Вечерами Настя пробирается к Петру сквозь
плетень, разделяющий их дворы.

Но о плетне особо.

В простом и иногда, может быть, нарочно
трафаретном материале фильма плетень играет
свежо и по-новому.

Вместе с настроением своего хозяина, Степа-
на — он падает, и плетень вырастает.

Плетень — символ рубежа между практиче-
ским и заветным миром Степана и молодым
беззащитным Петром.

Настойчиво рвущаяся в иной мир Настя
порой ринут эго рубежа, но Степан, торжеством,
восстанавливает его.

Настяны протрудки кончились. Степан ре-
шительно запрещает ей видеться с Петром.

В последний раз, опробити плетень, Настя
крадется ночью к Петру, и на утро они распы-
ляются в Загье.

Степан поднял плетень, плотно вбил колья
и раз навсегда повернулся спиной к петрову
двору.

Молодые с трудом перебиваются. Надо жать
надела земли. Ждать долго.

В избушке Петра настойчиво бьются труд
с нуждой.

Особая Петр привлачивается в армию. Улы-
члив и поинкий уезжает он в город.

На призывном пункте звенит гармошка, ми-
гает экран кино-передвижки, но Петр утром:
Настя осталась в деревне одна, с нуждой.

В Москве Петра окружает совершенно иная
жизнь: учеба, занятия, отдых — все это за-
хватывает, увлекает.

От Настя тоскливые письма земли все нет.
Очень не помогает. Выбываемся от них.

Открытие Парка культуры и отдыха в
Москве. В парке тесно, как в бочке о гулягима, и
шумно, как в Песчардубине.

Петр с товарищами-красноармейцами влечет
в этот веселый и пестрый гомон. Среди
шума звучит неосознанная.

Петр вынимает последнее письмо Настя и
показывает его товарищам.

Отсюда-то и начинается популяризация де-
крета о льготам языком кино. Все прочее —
подготовка.

Товарищи Петра удивлены. — Чудак, он не
знал до сих пор о льготах и преумушествах,
на которые имеет право. Товарищи рассказыва-
ют ему о них.

Вечером Петр пишет домой письмо.
В письме подробно изложено закона и со-
вет немедленно действовать.

Письмо камнем ударило в плетень. Рубеж
рухнул. Руки Степана смали его. Практичный
мужик, узнав о полученном Настей письме,
основательно рассудил, что теперь уже можно
помириться.

Настя действует. В сельсовете все ею вы-
полнено. Последний и решительный пункт —
уездный земельный отдел.

В уездном земотделе дождут от тоски мужи
и стареют посетители.

Ждать здесь привыкли долго и терпеливо.
Рассадки мушкетер смерти и тоскливого ожи-
дания — секретарь УЗУ.

Когда Настя приходит к этому «узурару» со
своей просьбой, то он, будучи от невнятных
причин в северном настроении, много не ду-
мает, пишет — отказать.

Настя пишет Петру письмо, полное обиды и
недоумения.

Далее развивается интрига, пользуется кото-
рой режиссеры так бы дают практический со-
вет жителям, как реализовать льготу, если на
пути ее получения возникает преграда. Обраще-
ние Петра к комиссару чиста, вышестоящие в
дело комсомольцев деревни, поинтия прак-
тического и по-мужички хитрого Степана разре-
шить все особым «подходом» к начальству...

«Простые сердца» — это попытка возможно
просто, убедительно и интересно рассказать
один из пунктов советского законодательства.

Сухое слово закона, переведенное на язык кино,
должно звучать убедительно, сильно.

В «Простых сердцах» он звучит может быть
не так громко: в квартире не мало обычного ша-
блона. И все же попытка режиссеров заслу-
живает одобрения и подражания.

Кино — язык масс. Етим языком надо расска-
зывать и показывать советские декреты.

В. Ялни.
Л. Залкинд.

Петр с товарищами на открытии Парка культуры и отдыха.

Секретарь УЗУ — местный бюрократ.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ЦИ И МЯ ВЛКСМ

РЕЙД ЗА ОБЛАКА

Рассказ ОРЕСТА РОВИНСКОГО

Рисунок С. ВОЛУЦКОГО

ПОДЛЕСТЬБАЕМЫЙ неудачами изо дня в день, увеличивая пробои и уменьшая привалы, шел отряд по следам банды.

Банда оставляла свежие следы. Жители неизменно отвечали: «вчера проскакали... сегодня утром проскакали». Они жаловались на грабежи, на зверства басмачей и показывали на изувеченных. Так продолжалось больше недели.

Как в сложном лабиринте метался отряд в горах и ущельях. Часто хитроумные следы приводили в тот же кишлак, кружились по одним и тем же перевалам.

Решил тогда Анекетов, командир отряда, пойти на хитрость.

Утром выступили, переродите бандой. Сеткой стаяла по долине дождь. Ни облаков, ни клочка ясного неба. Ехали нестройно, как попола. Красноармейцы в разноцветных ярких халатах, на головах чалмы поверх фуражек, с хвостами до самых плеч. Витюки ввели дулами винта. Джигиты из местных, примкнувшие к отряду в последнем кишлаке, орали мусульманские песни и размахивали длинными дубинами.

Впереди рядом с Анекетовым ехал мулла, вызвавшийся вместе с джигитами проводить отряд. Он был одет в лучшее свое шелковое платье и подбадривающе кричал на отстающих. «Войско» замыкал старый проводник отряда Эгран. Он не слускал глаз с одного подозрительно веселого и бесцельного джигита, который громче всех орал разбойничьи песни, то и дело выносился с кем-нибудь вперед, устранив нечто вроде скачек, как это делают обычно басмачи, когда им не угрожает опасность. Это — пока ехали по долине.

Дальше пошли писать крутизна да зигзаги — чортовые тропы. Они штопором вывигивались в облака, нависшие почти до половины хребта.

Спешились. Подтянув животы, ползли вверх. Лошади продавились мучительными рывками, бессильно повесив головы и разорывавши слону. К полудню достигли туч. Тучи обволокли горы непроницаемой ватой, затерявшись в которой, бредли люди. Они не видели друг друга и только по голосам, наощупь, угадывали направление пути. Бага сгустилась, темнела. Стали пятачься на скалы, на идущих впереди. Каким-то чудесным инстинктом Эгран угадывал верную тропу.

— «Дорогие родители, я хоку по земле, а внизу подо мной облака, и я плюю на них с высоты. Поверят?

— Нипочем...

— А вот еще: «утром меня валела с ног жара, днем я вымок, как мочалка, а вечером отморозил пальцы...»

— Скажут: «учить еще взялся, как будто мы географии не читали».

— Или: «драгоценная моя жена Николаевна, нет красивой тебя во всем Туркестане от Самары до Сингапура. У всех

здешних баб лица черные сетчатые, на самоварные трубы и решета похожи». Или...

— Двигай-ай! — долетел вдруг сверху голос командира.

— Сто-ой! Куда сгинул, дьявол!

— На хво-ост!!

И глаза всех устремились на хвосты шагавших впереди лошадей. Хвосты мелькали среди неясных очертаний круп, как нечто раздельное от них; за поворотами хвосты часто сигналы в туман, таяли, — тогда красноармейцы нервничали, ускоряли шаги и успокаивались, заведя их снова.

Начатый разговор не продолжался. Густой туман обдал сыростью ползущих. Вдруг задние услышали сверху радостное: «афтоб, афтоб! солнце, солныце!», и заторопились.

Туман оседлал вниз, просеивался, как сквозь мельчайшее сито. Слово изумительная, быстрая рука художника рисовала силуэты ползущих впереди скал и очертания редких пихт и сосен. Солнечные лучи падали слева мягким брызжающим полусветом, затем прорвались откровенно и ярко. Вспотевшие металлические части оружия заискрились. От лошадей и от всадников пошла густой пар. Последние клочья тумана соскользнули вниз, и передние увидели перед собой ослепительное солнце и высокий синий купол, краями уходящий в серые облака.

Анекетов с непокрытой головой стоял на вершине хребта, встречая выливавших из облачного плена. Ледяной ветер завалил его рысье волосы и нездоровым румянцем играл на похуевшем лице. Рядом с Анекетовым покачивая на лошади мулла и бодро и радостно кричал, махая рукой:

— Ура, добротряд! Алла, добротряд!

Устроили совет.

По хребту часто передвигались банды. На печальную встречу с какой-нибудь из них было больше надежд, чем идти по бесконечным следам. Так и решило: выждать. И отряд медленно начал курсировать направо и влево по хребту. В котловинах, поросших кустарником, где не было ветров и снега, жгли большие костры и отдавали. Потом вновь поднимались на какой-нибудь пик и, чтобы привлечь к себе внимание случайной банды, гарцевали и распевали дикие песни, далеко разносимые ветром. Особенно старались джигиты. Они то и дело джигитовали, состязались на скорость и ловкость, показывая, какие они удалые и храбрые.

Однажды проезжали по обширной котловине между двух пиков хребта. Подозрительно беспечный джигит, посмеиваясь, сказал Эграну:

— Ты храбрый джигит, но я не знаю, ловок ли?

Это было оскорблением и вызовом.

Они перегалялись и выравняли лошадей; затем разом взмахнули камнями, прыгнули и почти нарравне проскакали

Утром выступили, переродите бандой.

котловину. Дальше шел подем на пик, и Эгран придержал коня. Джигит обогнал его и поскокал прямо на пик. Чуть взвизгнув с него, остановился и насмешливо-злобно прокричал:

— Ну, где же твоя ловкость, шайтан?

С затененным предчувствием беды Эгран оглянулся назад — отряд отставал порядочно. Тогда он на полном скаку вытаскил из-за пояса нож, взмахом руки перерезал подругу и сбросил седло навзничь. Очистившись на горячий, влажный конский спине, Эгран изо всей силы ополкал зад камней. Конь взвился, дыбы и облебенный хрип, рванулся вверх. Предатель уже успел за это время уйти вперед. Эгран его быстро нагнал, но расстояние в пять лошадей между ними не уменьшалось до самой вершины пика. Почва была зыбкой. Шебень и слой снега на нем обсыпались и часто копыта соскальзывали вниз.

Вот и продолговатый пик, беспорядочно обставленный замороженными зубчатыми скалами, похожими на сказные бащенки, монументы и обелиски. Тропа обгибала их и огибала¹ повисла над жуткими обрывами. Здесь джигит тоже не остановился, взвизгнул что-то, закричал и еще быстрее помычался.

Но все быстрее и быстрее шел конь Эгран, мобилизуй последние свои силы. Одним махом брал он барьеры из камней, грубо пробиравшись через кушты, оставляя на их белых покрывалах красные пятна, и вытнувшись в струнку, пролетал над клыковыми пропастью.

«Не уйдешь», — думал Эгран, сжимая в руке петлю из чалмы. Каждую секунду он готов был бросить ее на шею предателю, как вдруг... кровь остановилась в жилах: Эгран увидел — навстречу подымалась на пик длинная стайка конных; вот она выехала на ровное место и уже понеслась рысью.

Легкая туманность вуально окутывала скалы, было невозможно различить, кто это. Если красноармейцы, то произойдет стычка и, пока спохватятся, перестреляют друг друга; если банда, — она постарается захватить отряд враглов, ведь джигит раскроет все карты. Недаром он так хочет, поворачиваясь к Эграну, и не жалеет коня, распластываясь в последнем напряжении сил.

Назад! — крикнул Эгран, сжимая винтовку.

Струя ветра принесла хриплый захлебывающийся от радости ответ:

— Не вернешься и ты! Стормит!

Эгран оглянулся. В ста шагах позади его нагоняли еще два джигита. Эгран приложился и выстрелил в хохотавшего предателя.

Пуля попала в коня. Он зашатался, как от сильного порыва ветра, и упал на тропу, придавив всадника. Соскочив с коня, Эгран спешно подхватывал тушу с бьющей из шей струей крови на край обделенной кручи. Совершенно белый джигит зубами и руками цеплялся за кустарник и камни, стараясь высвободиться. Он широко раскрывал рот, но кричать уже не мог. Секунда — и он вместе с конем покотился с уступа на уступ в туманную щель. Вскочить обратно на коня Эгран уже не успел. Два джигита со злорадными лицами били уже близко. В этом месте тропа суживалась. Конь стал непреодолимым препятствием, но Эгран выход нашел. Шашкой он легко в грудь ранил коня. Конь прижался задом к скале и, будто поняв желание хозяина, подлил передние ноги, потом занес их над обрывом и с легким грустным ржанием повернулся, как в цирке. Еще один быстрый удар шашки и конь, опустив голову, лбом ринулся на двух всадников; они пытались повернуться, но он смаял их и вместе с ними соскользнул в пропасть. Эгран стоял на краю тропы и окровавленная шашка плыла в руке. Громкий голос заставил его в испуге оглянуться.

— Кого ты убил? Откуда ты?

На Эграна голубыми щелками глаз смотрел сам грозный главарь шайки Рахман Датко. За спиной его — нескончаемая лента басмачей.

— Я джигит Азиз-ча, — сказал Эгран, будто тоже был рад встрече. — Эти джигиты бежали сдаться... я их и убил. Приказал Азиз-ча.

— Молодец, — улыбнулся Рахман Датко. — А где же Азиз-ча? Вот хорошо бы увидеть старого приятеля.

— Эфенди, мне нужно спать обратно, — и Эгран повернулся, чтобы бежать.

— Нет, ты нас поведешь. Все равно нам по-пути, — сказал весело главарь и тронул коня.

Эгран решил тогда выиграть время. Он шел, прихрамывая и рассказывая о плаченом положении дел Азиз-ча.

★

В отряде услышали выстрел и направили лошадям ходу. Вот появились на вершине пика конные. Какое их множество!

¹ Свирити — вичиче искусственные мосты.

Анекетов насчитал около сотни всадников и сбился, потом стал спешно комбинировать в уме все известные ему приемы встречных боев в условиях горных теснин.

— Эгран предал, честное слово, предал. Это он ведет басмачей... — тревожно выпалил красноармеец. — Что нам делать командир? У-ух, их сколько!

— Ну, что ты, с ума спятил... Чутьбы Эгран... нет, — успокоил себя Анекетов и приставал на стремених.

— Товарищи, пригитовьтесь; их много, но... — он влезал за эфес. — Или мы, или они. Помните это, — обнажил шашку и помахал ею над головой.

Красноармейцы молчали, в их глазах расцветали искры и движения становились порывистыми.

— Смотрите же. Застрело, если что...

Голос Анекетова стал властным и твердым, глаза лихорадочно заблестели. Начиналась храбрость. Он ехал все медленнее, стараясь дать банде время спуститься в котловину и тем поставить ее в невыгодное с точки зрения устава тактики положение.

Джигиты настроенно двинулись позади и все стремились прорваться вперед. Во главе их ехал мулла. Он испуганно любовался блестевшим наганом, — подарком Анекетова, который торжественно держал в правой руке.

Рахман Датко, подсажая к отряду, пристально наблюдал за ним и кого-то искал в нестройной толпе. Наконец он все понял: нет такого вооружения у банд, нет ни у кого тазик молодых джигитов и не видно знакомой фигуры Азиз-чи. Он выхватил мушкет и направил дуло в Эграна. Но тот ждал уже этого движения. Как клика, внезапно вспугнутая кушка, метнулся он с тропы и, прежде чем главарь успел нажать курок, утонул в кустах под их снежным покровом. Медлить было нельзя. Рахман Датко крикнул, пулеметчика, но тот безнадёжно махнул в ответ рукой — автомат не работал; тогда он вынул шашку из ножен и поднял ее. Это был сигнал к атаке. Все сто пятьдесят, озлобленные обманом, тоже вынули шашки и молча рванулись вперед. Навстречу — дробь выстрелов, обжигающая волна свинца. Все сто пятьдесят на миг отпрянули назад и вразброд прокричали: алла!

Мимо Эграна, заглушаемого в кустах, проносился последний джигит. Он был бледен и все старался сдержать лошадь. Эгран бросился на круп ее, ударом кулака вышиб джигита из седла и, укренившись в седле, поскокал в самую гущу банды, в ее тыл, откуда доносился неестественно громкий крик Анекетова:

— Карьер, ма-арш, ма-арш!

Отряд переходил в контр-атаку.

На небольшом пространстве столкнулись две вражеских стены, вздыбились, оттолкнулись пружинно и, вновь сойдясь, смешались в кучу, как при байте¹. Врагов узнавали только по лицам, по выражению на них. Иногда замесная рука повисла и нерешительности и, сделав зигзаг, шла в другом направлении.

Не выдержав столкновения, оглушенный, сбитый погорячившимися добротрядами, мулла пытался уклониться от общей свалки, но лошадь упрямо рвалась, куда и все. Пришлось старику упасть на мягкий снег и, расстреливая заряд по мелькающим мимо него лошадиным ногам, отползти в сторону, где между камней под хвостами было тихо и мирно; там он лег лицом вниз, захватив персеохским ртом снег и вдруг стал истою и самозабвенно молиться, поднимая к небу и опу ская к земле руки, даже не замечая тяжести нагана в руке.

Анекетов угадывал врагов по персеохским злорадно-растерянным лицам, по крикам вставших блестящих атаганов, удары которых он едва успевал отражать, по тому, как кучками враги налетали на него.

С головы Анекетова давно уже слагала плохо накрученная чалма. Рука далеко вынеслась вперед, клинок — влево и чуть назад. На боевом коне клинка играли блики закатного солнца. Анекетов сосчитал эти блики; их было четыре. Он заметил еще, как с конца капала мутная жижа, как одна струйка стекла по вырезу клинка и обжигала пальцы, держащие эфес. Одно время казалось, что он больше не в силах терпеть ожоги капель, что он уже роняет клинок и падает сам.

— Нач-а-а-а-а-а! Мой эфес, уряя-уряя-а-а!

Анекетов изумленно приподнялся в седле. Рядом с ним дрался Эгран. Как и в первых боях, он хвастался перед ним своей силой и удалым бесстрашием.

Басмачи бились отчаянно. Привыкнув видеть в открытках боях красноармейские шнелли и шлемы со звездами, они терлись в этой схватке, насканивали на каждое безусое или незнакомое лицо, иногда на своих же и чаще разили их, чем отскакивали от узнавших.

Исход боя во многом теперь определялся. Хитрость уда-лась.

¹ Бата — ковыские ристалщи.

В КРАСНОЙ АРМИИ

Шинель примерена... призванный прибыл в часть и стал полноправным членом в том общезнании, которое называется «Красные казармы». С этого момента для

нею наступает новая жизнь: учеба, политическое воспитание, физическое развитие и военная подготовка—составляют ее полный круг.

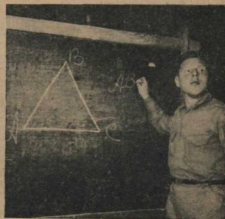
Бессмысленная муштра, зубрежка параграфов и уставов, деспотизм начальства—все эти привраки не только былой—царской, но и любой современной—империалистической—казармы отжили для Советской России в область невозвратимого прошлого.

Через два года демобилизованный уедет на родину не только бойцом, готовым по первому призыву стать на защиту рабочего государства, но и грамотным и сознательным общественником.

На фотографиях этой страницы лишь несколько моментов из жизни красноар-

мейцев: «взятие крепости» (бег по наклонной плоскости), примерка шинели, учебное метание гранаты, выезд связиста, учено-визированный бег с препятствием, за обедом, урок геометрии.

Центральный дом Красной армии и флота имени М. В. Фрунзе—вид здания со стороны парка.

ШТАБ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Очерк И. СЕРГЕЕВА

ТАК поведось начинать очерк — параллелими.

Во времена зарубежные известному итальянскому архитектору Желярди было поручено выстроить дом. Место для постройки выбрали на-отлете, за горой, вблизи лесов и монастырей. Ухаби-стая дорога вела сюда — болото, овраги...

В этом доме обосновался «Екатерининский институт для благородных девиц».

Желярди построил огромную трехэтажную машину в духе своего времени: узкие коридоры, крутые лестницы, маленькие мрачные спаленки-коридоры, закулки, туники. Такова была эпоха — мрачная и «тесная».

Институтам «бабьего рода и их девиц» вообще повезло. Начало положили Смольный.

В их старых зданиях — кре-

постях «домостроив» разместились военные штабы революции.

Площадь, которая образовалась одновременно вокруг Екатерининского института, стала называться Екатерининской...

Сейчас эта площадь носит славное имя Коммуны.

Но не ухабистая дорога через болото и рык ведет к ней, а каменный разлет мостовой, не кибитки и кареты плетутся во мрак, ныряя в сугробах снега, а новые автобусы и звонкие трамваи пролетают площадь Коммуны, шипя и звеня, залитые медовым светом электричества и голубым газом.

В наше время, в лето, как говорится, тысяча девятьсот двадцать седьмое, военному архитектору Никифорову поручили перестроить наследство итальянского зодчего. С июня по февраль 1928 года все было закончено. Екатерининский институт потерял свое имя.

В старом здании «вуза благородных девиц» разместились военный штаб культуры. На фронтоне, поддерживаемом десятью белоснежными колоннами, новые люди выбили новые слова — четкое золотое буки: «Центральный дом Красной армии и флота имени М. В. Фрунзе».

Но уже не узкие коридоры, мрачные комнаты и туники, не тяжкую тесноту

каменной громады встречает глаз, а широкие переходы и лестницы, залитые светом комнаты, привольные залы... Воздух и свет. Такова наша эпоха.

У входа, в настежь распахнутые кованые ворота, стоит красавица, похожий на меховую статую. Красная звезда горит на его плече.

Меж белых трехэтажных крыльев — сквер. На главной клумбе легко сидит, будто готовый к взлету, серебристый военный самолет, направо от входа — глянссер, налево — аэро-сани. Их моторы окутаны теплой попойой. Сердца машины скрыты и молчат.

Легко открывается огромная стеклянная дверь. Вы — в вестибюле. Сразу же вас поражает тишина и необычный порядок.

Дисциплина. Она чувствуется на каждом шагу. Редкие надписи «не курить», «соблюдайте тишину» имеют здесь силу военной команды.

Собственно это не Дом, даже и с большой буквы, а дворец, настоящий дворец: широкие мраморные лестницы, бронза, дуб, знамена, шиты, оружие, темно-красные коврики на блестящем паркете, сверкают медные ручки дверей, в прозрачных, как воздух, стеклах отражаются золоченая музейная мебель, мраморные столы, старинные куранты, китайские урны, широкие мягкие диваны и кресла, облегающие стены.

ЩДКА — одна из зал музея гражданской войны: боевые и трофейные знамена.

Огромное здание: сто пятнадцать комнат, 109 тысяч кубических метров, дышат уютом.

Экскурсии. Небольшие группы в 30—40 человек бродят из зала в залу, из кабинета в кабинет. За декабрь месяц Дом посетило 8.000 экскурсантов. Сюда приходит не только военные и москвичи. Добрая половина восьмью тысяч падает на «штатских» — многие приезжают из провинции, иностранцев поставляет ВОКС.

В Доме есть многое, что следует посмотреть, многое, чему следует поучиться.

Одним из кабинетов-лабораторий — мозг вооруженных сил пролетариата — гордится ЦДКА. В них комсостав совершенствуется в военных знаниях, повышается квалификация, готовится в Военную академию, часотаст запасов получает переподготовку, и скоро новые ячейки Осоавиахима обогатятся свежими кадрами руководителей и инструкторов.

Музей Красной армии и флота, музей гражданской войны, Парижской коммуны, картинная зала, галерея... В них запечатлена в дереве, в бронзе, в фото, в мраморе, на полотне, на вышитых листах, прокламаций героика первых лет революции, память о партизанах, красногвардейцах, умиравших на баррикадах, в горячих песках Средней Азии, в сибирской тайге, в дальневосточных лесах, на берегу Тихого океана. Здесь в ЦДКА узнают, как воювалась революция, и иностранные гости с изумлением рассматривают во «Дворце военной науки» деревянную самодельную «пушку-ружье», участницу славных побед.

— О да, здесь есть чему поучиться. Здесь собраны тонны опыта, — говорят иностранные товарищи.

Кабинеты: боевой подготовки, вооружения, политики иностранных армий, ветеринарный, морской, воздушного флота, снабжения, санитарный, массовой военной пропаганды среди населения, текущей военной хроники...

Это не просто кабинеты. Это лаборатории. Зайдем, читатель, в один из них.

КАБИНЕТ ТЕКУЩЕЙ ВОЕННОЙ ХРОНИКИ

События в Афганистане. Перед вами огромная рельефная карта страны, борющейся за независимость. Горят цветные лампочки городов, вспыхивают звезды крепостей, сияют линии перевалов; картоно-кофейные массивы гор, меловой снег горных вершин и хребтов, ультрамариновые змеи рек, песчаные изменчивости... Афганистан перед вами как на ладони: вот знаменитый проход Хайбера, вот столица Кабул, вот стратегические высоты, стрелы шоссе, извилистые тропы караванов...

На стене фотографии, черно-белый афганский флаг, схемы управления афганской правительственной армии, строится ее. На деревянных щитах последние фото и статьи, касающиеся Афганистана, свежие телеграммы с фронта... В строгих дубовых рамках копия знаменитого договора, отдающего Афганистан в Кабулу английскому империализму.

Зайдем в другую.

КАБИНЕТ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

Юбилей ЦАГИ. Модели аппаратов, воздушных шаров, глессеров, аэро-саней, бомб, дирижаблей. Половину комнаты занимает военный самолет. Он не помещается в кабинете по весу, свой размах, и его крылья странно коротки, с одного края снята кожа для того, чтобы можно было изучить строение костей, покровов, жил и нервов... Измерительные приборы, цветные плакаты, диаграммы, графики...

Так работают все кабинеты. Они чутко, как живой организм, откликаются на тему дня, входящую в их орбиту. Они перестраиваются, делают выставки, подбирают материалы, а специальная кабинетная работа изо дня в день идет своим темпом.

В кабинетах изучают тысячи вещей — от сложных траекторий полета снаряда дальноточного орудия до солдатского сапога, от конской подковы до таннственных формул авиационных конструкций. Напряжен-

В ЦДКА — кавалерийский кабинет.

лекции, доклады, проходят концерты, диспуты, кино, конференции.

Широкая лестница ведет на хоры краснознаменного зала, сжатые двадцатью четырьмя блестящими, снежными колоннами.

Прямо с хор вы спускаете на третий этаж. Справа и слева идут комнаты отдыха, широкие лампы под светосиним шелком абажуров льют спокойный свет на зеленые поля бильярдных, с сухим треском перескакивают зеленые просторы шары из слоновой кости; напряженности комнаты шахмат, более шумно в кюветах пинг-понга; из тира с усовершенствованными электрифицированными мишенями глухо доносится выстрелы.

Вы проходите дальше. Коридор круто поворачивает направо. По обе стороны бегут двери: кингохранение, библиотека. Большая читальный зал, малый... здесь уже тишина доведена до совершенства. Тяжелая мебель побита резной. Ни разговоров, ни стука, только легкий шелест книг и журналов. И библиотека это тоже лаборатория. Она так же, как кабинеты, отличается на очертаниях, отталкивается на определенную тему — книги, журналы, газеты развернуты на нужных страницах, подобраны списки. Библиотека (30.000 томов) пополняется с каждым днем, в нее текут реки книг, на днях из Военного штаба в библиотеку ЦДКА вливается 200.000 томов.

Красноармеец, командир получает в Доме крепкую культурную зарплату, чтобы с новыми силами приступить за работу. ЦДКА учит как работать и как отдыхать.

Красноармеец, командир получает в Доме крепкую культурную зарплату, чтобы с новыми силами приступить за работу. ЦДКА учит как работать и как отдыхать.

Бывший Екатерининский институт для «благородных девиц», ныне ЦДКА — вид с фасада.

Юбилейное заседание командиров Красной армии в Доме союзов в Москве.

но и четко вертится колесо коллективной мысли.

Здесь учатся тактике и стратегии: на широких столах раскинулись зелено-железные пашни, перелески, овраги, деревни, города, озера. На плоских голубых волнах качаются дрейдуэты, миноносцы, подлодки... Здесь обстреливают вражеские окопы и чужие батареи, подводят мины, разрушают и строят мосты, наводят понтоны, «перевязывают» раненых и «лечат» лошадей, тут изучают искусство связи, разведки... Красная армия должна стать самой могучей, самой сильной, потому что «Красная армия — вооруженная сила, борющаяся за уничтожение вооруженных сил во всем мире».

Но не только военному искусству можно поучиться в этой «Войцовой академии военных знаний». В ЦДКА почетное место занимает политехническая работа и физкультура: целый ряд различных курсов и кружков, воскресный университет. Просторные, светлые «кабинеты» физкультуры — гимнастический зал № 1, гимнастический зал № 2, зал бокса и фехтования, зал тяжелой атлетики. Они оборудованы по последнему слову техники.

Краснознаменный колонный зал на 1.200 человек, красноармейский зал - аудитории на 600—изо дня в день здесь читаются

История одного Обвинения

(По материалам расследования редакции)
(Окончание)

В редакцию «Смены» поступила рукопись некоей Панной. Автор сообщил факты не-комсомольского обращения с девушкой секретаря ячейки обиднического уха завод «Путь и труд» А. Авдеева и настаивал на расследовании дела.

Редакция возбудила вопрос перед ячейкой, и было созвано заседание бюро. На бюро Панина подтвердила свои обвинения. Авдеев от всего отстрек. В этом номере читатель встретит письмо после выступления Панной и Авдеева.

ТОВАРИЩИ АВДЕЕВА ГОВОРЯТ

Мы отказываемся от протокольного воспроизведения каждого слова последованных прений. Мы попытаемся воспроизвести лишь то самое броское, что отпечаталось как долговещное над общим впечатлением присутствующих.

— Мы знаем Авдеева, как одного из активных членов нашей организации, который везде болел за комсомольскую работу. Он даже в трамвае способен вести беседу о комсомольской работе. Трудно представить себе, чтобы Авдеев в личной жизни так относился к девочке. Это не верно. Авдеев не совсем культурен и может иногда грубо отнестись к девушке, в этом он и сам сознался, но отсюда еще далеко до тех обвинений, которые нагородила Панина...

...Мы с Авдеевым знакомы около двух лет. Я знаю, был у нас девчата, он их не трогал. Он очень дисциплинированный, хороший комсомолец. Панина болезненно обидчива...

...Авдеев приехал из деревни. Парень — душа. Был у нас секретарем цеховой Попов и он не мог поставить работу, а Авдеев хорошо поставил работу ячейки, и его цеховка самая лучшая сейчас на заводе. Мнение Панной пристранно...

...Если даже признать факты заметки действительными, то и в этом случае обвинять Авдеева не в чем. Только разговор, но не действия. У Панной нет фактов...

Единственная девушка-комсомолка, присутствовавшая на заседании бюро, попробовала выступить в защиту Панной, однако ее речь не только потонула в гучине противоположных мнений, но, и кроме того, она показала «речью по обязанности». Это было обычное слово за женщину, в нем не чувствовалось, чтобы выступившая принаклась особенностью разбираемого случая.

Так справившись с возложенной на них обязанностью, комсомолки ждали момента, когда с делом, «не стоящим вешного яйца», будет покончено. Желая одобрить Панину, они как бы дружески весело бросали ей:

— Марушка, ты художественно написала заметку!

— У тебя, Марушка, талант есть! И каждый считал своим делом фамильярно произнести ее имя — «Марушка».

¹ Начало в «Смене» № 2.
² Подлинная фамилия комсомолки и название завода здесь заменены другими, но просьба ячейки и завода, указанные в предыдущих номерах, что это было сделано, по соображениям редакции — опшбчно (Редакция).

ЧТО МОЖЕТ ВОЗРАЗИТЬ ДЕВУШКА?

Панина продолжала сидеть на самом краю скамьи. Смущение и обида жгли ее лицо. Видно было, что она доведена до крайнего напряжения и уже почти готова сдать, отступившись, лишь бы вырваться из этой пелены окутывающего ее недоверия и усмешки.

Да и в самом деле, чем смогла бы девушка повернуть уже сложившиеся мнения большинства?

Разве у бюро ячейки были какие-либо основания больше доверять словам Панной, нежели оправданиям Авдеева?

Разве тот факт, что Авдеев — хороший работник не страховал его почти на все 100 %?

Разве нельзя было заподозрить Панину, что ее руководит какие-нибудь другие — непонятные, а может быть и тайные соображения, а не только бескорыстное возмущение за нанесенные обиды интимного свойства?

Разве между грубостью к девушкам, сивотным взглядом на них — нисологической выдержанностью комсомолки может быть установлена какая-нибудь зависимость?

Разве эти вопросы, вероятно возникавшие у каждого товарища, участвовавшего в разрешении спора Авдеева и Панной, — разве они не превращали притязания Панной в безнадёжную затею?

И однако Панина взяла себе вторичное слово — и это выступление оказалось решающим. Что же могла сказать девушка и в какую сторону она направила мнение коллектива?

ДЕВУШКА НАСТУПАЕТ

Приступая к вторичному объяснению Панина чувствовала себя больше обвиняемой, нежели предъявляющей обвинения. Первая ее попытка выступить против Авдеева — неистовотного товарища, оскорбленного ее, как девушкой — разбилась об авторитет Авдеева, как комсомолки и общественника.

Хоть сколько-нибудь восстановить доверие присутствующим... иначе она вынуждена будет уйти отсюда, оставив о себе мнение как о сумасбродной, странной, дукучливой, подозрительно упрямой девочке... От волнения кружилась голова, и Панной казалось, что присутствующие на собрании как бы выстроились за спиной Авдеева и она — совершенно одиноко — стоит против их объединившей группы. Но что-то толкает ее продолжить нападение, расширить круг аргументов и рассказов о том же секретаре цеховки Авдееве, как о социальном типе, каким он себя выявил там... за стенами ячейки, в часы свиданий.

— Товарищи, — говорила Панина, — я раньше думала, что, если комсомолец, то нет лучше из света. Может быть это было мое наивное убеждение, но вот... Авдеев явился для меня первым комсомольцем, с которым я познакомилась ближе... Решайте сами, в чем убедил он меня на опыте...

Панина продолжала говорить. Первое, что отняло характер ее вторичных показаний, было точное указание времени,

места и обстановки излагаемых ею эпизодов. Обстановка являлась пугающей, она ясно передавала последовательность сцен, она была конкретна в каждом слове своих «воспоминаний». И если раньше, когда она сообщила об отношениях Авдеева к ней в заметке беллетристического характера, а потом усно только поддерживала характер этих отношений, можно было ей не верить, усомниться в правдивости ее сведения, то теперь трудно было говорить тому, чтобы девушка была настолько избирательна в выдумках...

— Слушайте, ребята, — обрадовалась аудиторией Панина, — что вы скажете о комсомольце-активисте, когда он, стоя на коленях, упрямивает девушку сойтись с ним хоть раз, и когда девушка, желая познакомиться над ним, спрашивает его: «А ты ведь поед пойдешь? В церковь?» и он поспешно соглашается на это условие; и в то же время совершенно ясно, что он врет, что для того чтобы добиться своего он готов согласиться на что угодно, а потом постигнет «сообразно своей натуре». Когда же девушка смеется над ним и говорит, что ей любопытно будет сообщить о таком его решении в ячейку, тогда он, желая повлиять на нее, рассказывает ей сказку о глупой бабе, поспешно донесшей на своего мужа, что он убил кузнеца в то время, как он всего на-всего развезал по дороге домой кузнечника... А ведь все это я говорю об Авдееве...

— Я пришла к вам, товарищи, — продолжала свою речь Панина, — из другого района. Я никого не знаю из вашей ячейки, кроме Авдеева. Но с некоторыми товарищами я через Авдеева, взглядо можно сказать, знакома. И вот как они мне рекомендованы. Я не знаю, присутствуют ли они здесь, так как лица их мне неизвестны. «У нас в ячейке» — говорила мне как-то Авдеев (Панина сообщила точно, когда и где происходила этот разговор) — «жида» мне опротивели. Не терпело их имени... Вот только (тут Панина назвала две фамилии и обладатели их оказались среди присутствующих на собрании) — эти ничего парни. Но это не «жида», а «жиденята» — пояснил свою мысль Авдеев. Были и другие случаи... Начнет Авдеев жаловаться, что не имеет хорошей комнаты, и тотчас же у него сорвется: «старые дома развалили, а новые «жиденята» заселили». В клубе (я говорю о клубе, где мы с Авдеевым когда-то вместе работали) не идет работа юнсекии. Ребята обозачены, какие этого причины, как наладить работу? Для Авдеева же все ясно — дело в председателе юнсекии: «Где ему — известно «жиденю» — наставляет он меня по дороге домой. Комсомолец ли, товарищи, тот, кто так думает?»

Так, переходя от факта к факту, строила свое выступление Панина. Более крупные черты она доводила мелкими штрихами и из них складывался новый, невероятно несхожий с установившимся представлениями облик Авдеева... Панина словно поворачивала Авдеева, и присутствующие вынуждены были смотреть на него с какой-то новой стороны, которую до сих пор он от них тщательно и ловко скрывал. Панина выворачива-

Старинный русский Петрушка прогоняет направа.

СТАРЫЙ ПРЯТЕЛЬ

— А! Здорово, друже, не ль тебе нужен? Огулительное-звонкий, задорный голос — откуда-то сверху — заставил меня вздрогнуть. С книжного киоска? С мокрого забора? С почернувшей ветки, каплюшей недавним дождем? Что за вздор...

— Сюда, сюда гляди! Эх ты, куриная слепота...

— Да уж вижу, егоза,— раскудachtался, что твой петух.

Я с искренним удовольствием пожал его маленькую деревянную руку, чувствую, что лицо у меня расплывается в баин.

опять языком базарил, из публики воду варил?

— Ох, и варю — говорю, дурую — говорю, на смерть уморю, а всё говорю...

Петрушка быстро сел верхом на пеструю ширму, — как это и се сразу не приметя в углу плащадки? — закинул черный сапожок на поперечину и, сияя весельем, резко перенурил ко мне:

— А давенько мы с тобой не выдalisь, браток? Годов червонца поатора, ай больше?

— Пожалуй и все двадцать будут. Но и памятлива же ты, Петрушка,— небось с тех пор народу перевидал...

— Народу — что людей: за каждый миллион копейку — ст бы на обед иидейку...

— Ого! А ты что между прочим — как перебивашесь?

Но значный говор Петрушки и грохот своеобразного шумового оркестра, внезапно раздавшийся из-за ширмы, уже разбежались весельем кольцами по плащадки, свежим ветром сдувая старых и молодых, развывая подолы, пальто и поддевки. Петрушка откинулся назад.

— А когда как: разом густо — разом пусто, а по праздникам — с капустой, запиваем чаем, а скучать не скучаем... Ну, не взыши, милашка — вишь, жарко становится. Приходи уютко вечером, из सबодке потолкуем, — и проваливаясь за ширму, мотнула вихрами:

Старик и старуха из деревенской постановки в театре «Красноарм. Петрушка».

МОИ ВСТРЕЧИ

ОЧЕРК М.

Читатель! если тебя заинтересует тема очерка, сообщи редакции: как складывались события, имеются ли в ваших краях попытки работы с Петрушкой и...

— Милости просим! — Бульварная, двадцать восемь.

Чудак малый, а хороший парнига. Эта рыжая лохматая голова, так неожиданно занесенная на мои пути предвесненным ветром, славно меня встрахнула. Нужно было брести по делам, но обольстительно-вызывающий пшик, лопки и бубны, колокольчики и трельель с неодолимой силой схватили меня за шиворот и поставили перед цветистым балаганом.

РЫЖИЙ ПОЛИТПРОСВЕТИТЕЛЬ

Толпа прибывала, крутым калачом огбывая балаган спереди и с боков. Людская масса, вся какчалась: туда-сюда, вправо-влево за движениями Петрушки, а сзади напирала ноше.

Незатейливый сюжет развивался стремглав, «на курьеских». Точно под горячую лопу: приезд демобилизованного Петрушки — красноармейца в деревню, победоносная схватка с кулакско-пауком, пролезшим в сельсовет и отбивавшим Ваньку-Бедняку от поступления добровольцем в Красную армию; разоблачение толпы, у которого в черниги появляются иконы; организация колхоза, самообложение на покупку трактора, установка громкоговорителя, закладка новой школы и больницы, торжественные провода Петрушки, совершившего решительный переворот в умах и делах деревенских, — все это проделало было по пьесе в одну неделю, а на наших глазах — все в полчаса.

Бесшабашно-наивная агитка то и дело заставляла меня улыбаться, до зрителей ее «революционный пафос» во многих местах явно «не доходил», а наиболее «антирелигиозные остроты» кой у кого постарше прямо вызвали смурную гримасу. Но играли кукольные актеры с таким поддемом, так резко сыпались утки-прибутики у Петрушки и Марфутки, а дубинка-погонялка («никого-то ей не жалко») с таким воодушевлением гуляла по деревенским спинам и головам, что взрывы искреннего смеха то и дело перекатывались в толпе. Но расправляясь со свинии «шутренными» врагами, Петрушка успевал перекинуться колкой шуточкой и с публикой.

— Эго, дядя! — кричал он густобородому тулупу. — Не теб ль я поза-воскресенье видал на Болотном рынке: ты вой той старухе вагон гнилой картошки в кошешку ссылап?

— Пошода ты сам в болото, — сердито огрызнулся тулуп и протискивался в задние ряды, вызывая обидный хохот потрепанных поддевок. А святая старуха в первом ряду глумовато улыбалась беззубым ртом...

Представление кончается, Петрушка с нами прощается, Но не плачьте, не скушайте, Снова нас вы окледайте. — Не осли, а соттоя даш О пользой мы потешим вас: Разносить ученые свет Шлет нас би-политпросвет.

Снова грянул оркестр Петрушка с Марфуткой задерживая занавеси под Толпа стала рассеиваться. Я бросился к первому встречному.

ЭЛЕКСИР МО

Деревянный двухэтажный бродушко подмигнул огоньк пробирался к нему через узкую допотопный висцый крытую форточку выискуя ком и тот же звонкий голос — Толкая, толкая Собак Крохотная передняя бланширомой и встала за цветкрасками, инстрентом...

— Стой, стой — понижай! Но было уже поздно: я кую притолку и усердно рассок. Роза у меня была верпотоми что Петрушка заливкраю стола.

— Ну, ну, проходи — наконец, приходи в себя...

Дядя и старуха — к басне Демьяна Бедного.

С ПЕТРУШКОЙ

ГРЕНА

дет отнестись к предложению автора: "посидеть" Петрушку на надежные может ли тебя и твоих товарищей заинтересовать это дело прохитчески?

за пестрым полотном танцовали по ширме, заклопанемет пищика. Я глянула на часы — и ному трамваю...

ЛОДОСТИ

домик на окраине до- лавы, когда я осторожно жуки. Не успел зарезбе- колокольчик, как в от- ся знакомый нос крич- с крикнул:

к и замков нет-и! да заставлена высокой тным доскутом, чурками,

клянцйся! стукнулась лбом о низ- астрирал ушибленный ви- еро насквозь дурацкая, ваяла смехом, прыгая по

д будешь, — сказал он Лоб у тебя видать не деревянный. А при- шел ты в самый раз: «души» наши загляли в центрах, и мы тут своей компанией до- мовничаем.

— То-есть как так души? Это что за ересь?

(Работа моск. арт. С. Обрацова).

— Эка бестолковый! Ну — людочки наши, кук- ловоды, понимаешь? Ведь мы считаемся «бездуш- ные бовлашки»...

— Понял, понял. Тем лучше. Где же остальные?

— Спит, сердечные, — намалялся. Сегодня, ради праздничка, целых четыре раза выступали — шу- тишь?

— А ты как?

— Я — что, и их всех покрейче. На то у меня «электрик молодости» всегда наготове.

— Опять меня морочишь? Какой там еще элек- трир?

— А вот такой: захочешь — и у тебя будет...

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПЛЕЧО

— Так ты говоришь не забыл, как мы с тобой на Украине встретились? Раз — в деревне, другой — в захудалом городишке...

— Я-то не забыл, а вот как ты это все поминишь, Петька? Сам говоришь, что народу с той поры пе- ревидал...

— Я забыл?

Глаза у Петрушки сверкнули — мне показалось, что маленькая электрическая лампочка над его го- ловой превратилась в ярко-синюю звезду. — Поминишь, как эта хриплат шарманка залих- вавски вынысывала: «Эх, ты, с... сын, камарин- ский мужик», а мы с Марфуткой откалывали камаринского?

Он присвистнул и загарцовал по столу. — Мой отбренныйный хозяин верещал пищиком и, хотя не все у него было понизно, ребята сыпались горохом, нет, маком со всех сторон?

— Как же, — и чувствовал, что заражалось вос- поминаниями, — никак нельзя было понять, откуда берется столько ребят: они точно из каждой щелюч- ки, из каждой ямки вырастали, сваливались с крыш и деревьев, выползали из ворот и кухонных дверей, визжали, дрались за место, держались за животы, икали от смеха и ни за что не хотели расхотиться, хоть и видели, что балаганчик уже сложен на спине у кукольщика...

— То-то, — не без гордости подхватил Петруш- ка, — и не только ребята: помню, баба пла к ко- лодцу: ведре назем спустида, подо завернула нос утереть, а я как завернул «По Тверской-Ям- ской с колокольчиком», — на до ей как натяну, — она так и остолбе- нела — ха-ха-ха! — стоит с заверну- тым поломом, а нос у ней... Ха-ха-ха!

Петрушка окончательно при- шел в игривое настроение, — того и гляди, на скоромное повернет по старой памяти.

В ЖАРКОЙ СХВАТКЕ

— Подумаешь, успех!

Люстра пога- ла, и шестнад- цать свечей оку- тали тенью Пе- трушкино лицо.

— Насчет ка- чества? Да, по- худается нечем. С штыганом за ло- шадь — дубинкой распалачиваюсь, доктора ни за что, ни про что убиваю, старика убиваю, приятеля своего убиваю,

Польский воевода Юзефский и дуплянка кула — меньшевик — соглашатель» из Междуна- родного Объярения». (Театр «Красноармейский Петрушка» при Центр. Доме Красной Армии в Москве).

собака или чорт меня в ад утаквают... Времена!

— А сто, а триста лет тому умнее был? — продолжал я его поддразнивать. — Я знаю — в Англии тебя Панчез или, Помчез звали, ты ради своего удовольствия не убил там подрад повинную свою жену и ребен- ка, и доктора, и Скара- муша, и слугу? А Пульчи- nello в Италии — воршика, лжец и хвастун! А собрат его Полишинель во Франции, Касперде в Германии и проче воплощения вашего петрушенного нелицеза — жу- киковатые пари, льстивые обжорланье...

— Стой, заворачивай, ку- да поехал? — ораб Петрушка.

— Нет, не стану и не сяду, пока не выскажусь. Меня разобрал задор.

— А как ты разговаривал с тысячами народу, который валил за тобой и твоим хозяином? Чему ты их учил, на чем отыгрывался? Ребятишек похаб- щений кормия? Над «инородцами» издевался? Правоту свое палкой доказывал? Тоже «искусство», извините меня...

— Да закройся ты наконец! — в бешенстве крикнул Петрушка, и как динет меня — только искры из глаз.

— Ты что же дерешься? — схватился я за ду- бинку.

— Разошелся леший, как поп на амвоне, — брани- лись Петрушка, вырывая у меня палку. — Вот до- казывать тебе без хорошего тумака. Да где же твоя маркисическая башка? Ты чего хотел бы, чтобы я в пятнадцатом веке, когда в королевских дворцах коридоры уборными служили, а ливбеады только «высших» классов были, — чтобы я тогда куль- турную революцию на улицах проповедывал? Чтобы я...

Петрушка поперхнулся от злости и громко за- кашлялся.

— А знаешь ли ты, лодухой, какую револю- ционную работу я в течение столетий продела- вал? — воскликнул он, все более разгораясь.

— Немного как будто знаю, — примирительно отозвался я, стараясь от дубинки, игравшей в его проворных руках, и в свою очередь спросил...

(Окончание см. на 16 стр.)

Английский «Петрушка» (Панч) со своей женой. Из народной кукольной пьесы, «Панч и Диуди»

На кондитерской фаринге — у тестомесильной машины.

Александр и Александра

Повесть Виктора Дмитриева и Николая Богданова

(Продолжение) 1

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО.

Комсомолец Крылов вернулся из армии к своему товарищу Лешке Потрясаеву. Поступил на кондитерскую фабрику, где работает и Потрясаев. Крылов знакомится с Шурой Майковой, прозванной Недотрогой, и Зиной — возлюбленной Потрясаева. Между Крыловым и Шурой возникает отношение, близкое к влюбленности, но Шура очень строга в сохранении своей независимости, поэтому их встречи с Крыловым плывут по поверхности и борьбой. Зина охладела к Потрясаеву, она завидует Майковой и ревнует к ней Крылова...

ПОСЛЕ спектакля Шура и Крылов, как будто невзначай, столкнулись у вешалки.

— Достань мне пальто, Крылов, — сказала Шура.

Это означало: «Не сердись, мы посорились из-за пустяков».

— Ладно, — ответил Крылов и, бросив Зинину руку, вмешался в толкучку у барьера.

Когда со счастливым лицом и с двумя пальто он возвращался к Шуре, Зина очень громко, как будто бы Лешке, но на самом деле для Крылова, сказала:

— Шуре с Крыловым все равно не жить, я не допущу. Она не любит его и не имеет права.

Крылов слышал эти звучавшие утренней слове, но не обернулся. Он спешил к Шура.

Давно, с самой осени, с тех пор, как познакомился с Крыловым, Зина стала возвращаться домой без провожатых. Ей опротивели все мелкотравчатые ухажеры, стали отвратительны их липкие поцелуи. Александр Крылов, его темные упругие губы, такие недоступные и презрительные к ней, манили ее, сводили с ума.

Едва ли это была настоящая любовь. Здесь смешивались всегдешнее соперничество между ней и Шурой с завистью и озлоблением неудачницы. Зина никогда не испытывала настоящее чувство, она привлекла лишь к легкому флирту и теперь, обуреваемая разнообразными страстями, принимала их за любовь.

Она вспомнила свои прежние увлечения и то, что обычно казалось ей нормальным и даже хорошим, представлялось теперь сплошным извращением. С особым омерзением Зина вспоминала Лешку.

Тогда ей страшно захотелось уютной жизни. Пренебрегая дурашливостью Потрясаева, она выбрала его

в мужья и пошла на близость с ним. И этот крокодил, над которым другие девчата только издевались, вместо того, чтобы беречь ее, хорошенькую Зиночку, — первый бросил ее.

Она, Зина, самая красивая, самая умная, гонялась за этим дураком, а ее соперница и, пальцем не пошевельнув, получает настоящего человека.

Глава шестая

ПРОИСШЕСТВИЕ В КЛУБЕ

Советание у директора затянulos и было отложено на воскресенье. В воскресенье оно возобновилось с утра и все спорные вопросы были окончательно вырешены. И, вопреки предложению фабкомовцев, уже заготовленный приказ о назначении Крылова был изменен.

И Жбыркунов, и директор, и жен-организаторша, в конце концов и сами фабкомовцы сошлись на другой кандидатуре. Старшим была назначена — наперекор всем фабричным традициям — женщина, и этой женщиной оказалась Шура. Но это событие, которому предстояло во многом изменить судьбу Александры и Александра, было им еще неизвестно.

С утра Крылов и Шура были на катке. Когда они возвращались оттуда, размахивая коньками и сияя румянцем, у самого дома Крылова им попался Лешка Потрясаев. Он выбежал из парадного и столкнулся с ними нос к носу. Потрясаев даже забыл пошутить, так поразил его фотографический вид молодой парочки.

— Стойте, — кричал он. — Вот так! Анфас! Нет, труе катр! Возьмитесь за руки.

Лешка без шапки, сопя и волнуясь, установил фотографический аппарат, раздался щек, и веселая парочка была увековечена. Остаток дня Шура провела в клубе. Завтра выходила стенгазета. Шура со своим платоническим

другом Бондарчуком заканчивала сегодня ее разрисовку. Шура была на фабрике первой художницей. В ячейке не раз говорилась, что ей следовало, собственно говоря, идти во Вхутемас.

Какой тайной ни обставляли Шура и Бондарчук свою работу, все-таки хоть в замочную скважину то и дело заглядывали любопытствующие. Это было отбою от ненужных помощников, набивавшихся со своими непрошенными услугами. Стенная газета составлялась бойко, рисунки в ней были смешные, и всем было любопытно увидеть ее заранее.

Очередь у замочной скважины росла. Но вдруг из глубины клуба послышалась выстрелы. Затем в коридор выбежал восторженный вожатый пионерского отряда, коротко остриженный Илоша Рыков:

— Ребятка, — кричал он. — Крылов заместительного Чемберлена приталил!

Крылов установил в клубном подвале хитро устроенную мишень. При каждом попадании в монокль с головы Чемберлена свалился цилиндр. Над этой мишенью Крылов работал уже давно. Каждое утро еще до фабрики, пока Лешка спал, он подымался и, сидя на полу, без сапог, в одних носках, кроил и раскрашивал фанеру. Сегодня наконец он с торжеством принес на плечах в клуб свою работу. Расчет его оправдался. На сегодня он оказался победителем. Недаром, прощаясь перед клубом с Шурой, он, загадочно усмехавсь, крепко пожал ей руку и сказал:

— А ведь сегодня, Шурунок, я тебя удвлю, — и быстро, почти насильно поцеловал ее, ушел.

Все, что сейчас только теснися у стенной газеты и подобострастно восхищался Шуриными достижениями, быстро переключали в устроенный Крыловым тир. Оцин за другим клубности изменяли стенгазету дяди Чемберлена. Скоро Шура и Бондарчук остались

1 Начало см. в «Смене» №№ 1, 2.

одни. Снизу доносились выстрелы и смех. Бондарчук недолго крепился:

— Вот что,—сказал он, наконец,— ты, Шура, подожди, я через полчасика вернусь. Мне надо тут... он замыкал и, не договорив, исчез.

Шура заперла за ним дверь и осталась одна. Нет, она-то уж не уйдет. И посмотрим еще, что они скажут завтра. Завтра, когда стенная газета будет готова и в ней будет не одна только отличная карикатура на директора.

В клубе потушили огни. Дверь была закрыта наглухо, но, сидя спиной к двери, Шура чувствовала какой-то холодок. Обернувшись, она увидела, что темнота проникает к ней в замочную скважину, точно пристальным взглядом наблюдает за ней. Она встала, чтобы заткнуть замочную скважину хотя бы бумажкой. Не успела она подойти к двери, как по ту сторону кто-то зашумел, и грохнулась декорация, прилепленная к стене.

— Воры,—решила Шура,—и, моментально забыв все страхи, она распахнула дверь и, стараясь придать голосу строгость, крикнула:

— Кто там?

Несколько секунд она стояла и глядела в темноту. Напряженная тишина повисла в пустынном клубе, и казалось везде — под суфлерской будкой, в складках занавеса, даже за простым баком с водой — притаился кто-то. Шура снова пронизал холодок и она еще крепче захлопнула дверь.

Зина так ненавидела Шуру, что видеть ее стало для нее потребностью. И сейчас она бродила по корридорам темного пустого клуба между комнатой, где Шура рисовала газету, и тиром, заглядывала то в одну дверь, то в другую и, не решаясь войти ни в ту, ни в другую, все больше наливалась злобой. От злости ломило зубы, как от ледяной воды.

Крылов возвращался домой. Он шел медленно. Окна клуба были темны. В одном только во втором этаже светился огонь. Крылов знал, что там работает Шура. Он встал, вздохнул и посмотрел вверх.

Итти к ней он не хотел, потому что знал, что она не любит, когда ей мешают работать, а глупо толкаться у запертой двери и улюлюкать с чем было смешно.

«Эх, что бы ей выглянуть»,—подумал он и поглядывал вверх.

И, как бы исполняя его желание, Шура вдруг появилась в окне.

Она стояла на подоконнике. На освещенном стекле вырисовывалась ее стройная фигура. Коленими Шура прижималась к окну. Она от-

крыла форточку и высунулась с головой. И тут Крылов увидел, что волосы ее, рассыпавшиеся по сторонам, глаза и горящие щеки — все выражало один страшный испуг.

— Что ты? Что с тобой,—хотел крикнуть Крылов, но услышал крик Шуры:

— Скорей! Сюда! Крылов!

Крылов невольно вспомнил зиявший угрозу. Еще не успев подумать, он уже бросился по железной пожарной лестнице вверх. С лестницы перескочил на балкон второго этажа, на балкон выходила отворявшаяся внутрь стеклянная дверь, Крылов напер на нее плечом. С двери посыпалась замазка.

Глава седьмая

Признание

Балконная дверь попробовала сопротивляться, но Крылов напер еще раз. Зазвенели стекла, и дверь поддалась. Крылов подбежал к комнаткушке, где была Шура. Из-под дверей выбивался свет. Замок так часто отпирали гвоздями и железками, по всякому поводу, что он и не думал сопротивляться. Остановившись у порога, Крылов увидел Шуру на подоконнике. Она сидела, подобрал платье и забывшись в угол. На полу валялась опрокинутая баночка с краской. У Крылова отлегло от сердца.

— В чем же дело? — спросил он, улыбаясь.

— А вон,—Шура протянула палец,— разве ты не видишь, какая страшная...

Крылов взглянул по направлению пальца и увидел, что в дальнем углу, на стенгазете, храбро повоеда длинным пушистым носиком, сидела мышь!

Крылов засмеялся. Широко раскрыв руки, он молча подошел к Шуре. И, почувствовав себя маленькой и слабой, Шура доверчиво соскользнула с подоконника на его надежные руки. Мышь была больше не страшна.

Низкий домик замоскворецкой улочки еще дремал в утреннем полумраке, когда Крылов подошел к шуриному окну. Темный корпус какой-то фабрики загораживал солнце, бросая свою корабельную тень на целый квартал. На окошке шуриной комнаты морозец вывел легкую кисею. Крылов улыбнулся: сама природа навязывает ей кисейные занавески, которые она так ненавидит. Он вспомнил вчерашний случай в клубе и понял, почему так радостно ему сегодня.

Вчера наконец Шура признала его как мужчину. Да, это было признание. Женская природа взяла свое. Вчера, сама того не зная, идя к нему на руки,

спасаясь от призрачных страхов, она тем самым обещала и женскую покорность и признание его превосходства.

Крылову было приятно. Так и должно быть, ведь он сильнее, он будет любить и нежить своего Шуренка, защищая от всех бед и напастей. Будет работать вдвое, втрое, лишь бы ей было хорошо. Пусть она не любит наряда, он будет радовать ее театром, хорошими книгами...

Крылов подошел к шуриному окну и первый раз вместо того, чтобы бросить робкую горсть снега, постукал согнутым пальцем твердо и громко.

Лучи восходящего солнца упали на крышу домика. Из седой и холодной они сделали ее красной и влажной.

Вдруг лучи ударили в стекло; отразившись, они заиграли зайчиками на противоположном заборе, и призрачная кисея морозца вмиг растаяла. Окно умылось свежей водой. Сквозь ее эместистые струйки Крылов увидел полуобнаженную девушку. Кожа лица ее медленно розовела, глаза были широко открыты. Крылов захотелось быть с ней рядом. Он сквозь стекло и мороз ощущал утреннюю теплоту ее тела.

Крылов нехотя отвернулся...

Шура появилась на улице все такая же свежая и жизнерадостная. Они пошли вместе, как

Крылов замечательного Чемберлена притащил!

На кондитерской фабрике — из прессы тесто идет в печь.

всегда выбирая новый путь. Им захотелось пройти аллеями бульваров. Долго шли, ни о чем ни разговаривая. Солнце поднялось выше домов и огромное, медное, сияло в конце прямой, далекой аллеи. Прозрачное, как осенняя заходящая река, протекало над аллеей небо, и деревья бульвара гнулись под блестящими гроздьями сосул, как прибрежные плакущие ивы.

И вдруг навстречу Крылову и Шуре, равномерно качаясь на плече мужчины, появился краснощекий, пушистый дегтеши. Вцепившись ручонками в непокрытые кудрявые волосы отца, он сияющими глазами оглядывал мир. Александр взглянул на него и как бы ощутил цепкую ручонку ребенка в своих густых волосах и щекотное прикосновение к шее его пушистого свитера. Ему захотелось так же идти по бесконечной аллее, не замечая встречных, как шел этот встречный мужчина.

Он обернулся на Шуру. Взгляд ее моментально оторвался от малыша и встретился со взглядом Крылова. Шура первая покраснела и ускорила шаг. Одно и то же желание взволновало их и по новому сблизило.

Теперь Крылов смело брал Шуру за руку, касался ее талии, и она не вздрагивала, не окидывала его удивленным

взглядом. Она шла молчаливая и покорная. Может быть только в этот момент и началась по-настоящему их любовь.

Глава восьмая Первое горе Потрясаева

Зина проснулась от солнечных лучей, брызнувших на ее ресницы. Сначала она улыбнулась, затем прищурилась и хотела сладко потянуться. Но вдруг ощутила рядом с собой чужое тело, шершавое и липкое. Она чуть не вскрикнула, — рядом с ней лежал Лешка Потрясаев. Как она очутилась с ним? С этим противным крокодилом, о большой связи с которым она не могла думать без отвращения? Тут она вспомнила, как вчера металась по клубу, полная востра и бессилья, как искала чего-нибудь — спичек, чтобы сжечь дом вместе с проклятой соперницей, револьвера, ножа... как подошел к ней Потрясаев и взял ее за плечи... У него были такие цепкие пальцы, что казалось, он не берет, а присасывается. Она безвольно и бессмысленно пошла за ним...

С Потрясаевым она шла не к нему, не к Потрясаеву, а к Крыловым. Ведь Александр был здесь же, рядом, за ширмой. Разделял ласки Потрясаева, она принимала его за Александра, и в то же время слышала близкое дыхание Крылова. Ей казалось, она мстит особенной, уточненной мстостью, что мстят эта самая необязательная и жестокая.

При солнечном свете этот мираж разлетелся. Потрясаев крепко спал, запрокинув голову, широко разинув рот. Собрав разбросанное белье, Зина убежала за ширму, в подолвицу Крылова. Она села на его аккуратно прибранную кровать, и как-то сразу успокоилась.

— Лешка! — крикнула она за ширмой, — проснись, я сплю с Крыловым.

— Не ври же равно не приревную, — пробасил, тяжело ворочаясь, Потрясаев.

— Ого, к этому смуглому азиату не ты один ревнуешь!

— Да я этому азиату нарочно тебя всчитать хотел! Сперва как приезде думал его втравить. Как я тебя расхваливал! Ты бы слышала, какую поэзию напускал; и персик и всякую всячину...

— Нечего сказать, хотел удружить приятелем!

— А что ж, ты девка хорошая, я бы сам на тебе женился, да у меня установка другая. Я считаю, что все девки одинаковы. Невесту отыщу с приданым. Минимум квартира из трех комнат, вся спальная техника, костюмы, рояль и прочее.

— Рыжий крокодил, да у тебя и на животе-то веснушки, как у земноводного, кто на тебя польстится!

— Конфеточка, обрати взор на себя...

Голос Лешки, каким он произнес эти слова, показался Зине особенно противным. Она содрогнулась от омерзения и злобы, схватила какой-то тяжелый предмет и запустила им изо всех сил за ширму. Она стала искать глазами второй предмет, и тут взгляд ее наткнулся на фотографию Шуры с Крыловым. Она сорвала ее со стены, сунула за корсаж и выбежала вон.

— Нимио, — удовлетворенно сказал Потрясаев, открывая глаза, — что-то солидное пролетело!

Взор его пошарил и наткнулся на скобочившийся фото-аппарат. Лешка заревел зверем, вскочил и заметался по комнате, прижимая свое дитя к груди, боясь взглянуть и обнаружить непоправимые повреждения. Первый раз в жизни причинами ему женщина подлинно горе.

Не обращая внимания на кривлявший будильник, Лешка осмотрел аппарат. Серьезной порчи не было. Потрясаев бегом бросился на фабрику.

Коричневые и розовые плитки кафельного пола были так свежи и аппетитны, что бесквитный цех казался выставленным печенем. Точно боясь испортить его тяжелой обувью, рабочие нерешительно мялись у доски с объявлениями. Потрясаев с грохотом скатился по лестнице. Все настороженно обратились к нему.

— Ну, что? — спросил старик Гурьев.

— Ничего, — дело поправимо...

— Обидно все-таки, братишка, допускать над собой бабское командование.

— Да я ее теперь на порог не пушу!

— Как это не пустишь? А приказ директора?

— Что-о?! — завопил Потрясаев. — Что-о? Так значит ее подослали специально аппарат портить?!

— Факт, весь аппарат разломал, — вздохнул Иванков, приседываясь к разговору. Он считал себя хозяйственником, регулярно читал и выписывал «Экономическую жизнь».

(Продолжение следует)

ШПИОНЫ

Рассказ И. КУДРЯШОВА

Рисунок С. ПРУСОВА

ВЕТЕР сердито шипел, перебирая сухой, игольчатый снег. С шумом он подметал улицу, мешая чистый снег с колючим навозом.

Дневальный Кузин, прислонившись к будке, посмеивался над трудолюбием ветра.

Ишь, стервец, забавляется! И дворника помогает! — говорил сам с собой Кузин.

Мороз и ветер обжигают ему лицо, но он не обращает на это внимания и зорко глядит по сторонам.

Когда грохотал по улице трамвай, то мелкий снег летел клубами за ним.

— Что не догнал, братуха? — улыбался Кузин, глядя, как снег нехотя ложится на ливню.

Наблюдая за игрой и работой ветра, он не упустил из виду двухэтажный домик напротив казарм.

Несколько дней замечает Кузин, как в него прохаживают люди: пять мужчин и две женщины.

С их приходом в дом два карнизных окна во втором этаже завешиваются чем-то темным.

Все это заставило Кузина обратить внимание на этот маленький домишко.

Сегодня он встал на пост, когда окна были уже завешаны. Прошел час, занавески сияли и люди вышли из дома с маленькими чемоданчиками.

Женщины сменялись, мужчины разговаривали.

— Колька! Не забудь снять часового! — крикнул высокий человек в кепке кому-то из шедших сюда.

— А потом? — спросили женщины.

Ветер заглушил, и Кузин не мог расслышать, что еще говорили люди.

«Не впаде, шпионы! Дони глаза, шпионы!» — сверлило у него в мозгу. — Приходит с чемоданчиками... окна завешивают... небось план обсуждают...»

— Надо карначу доложить! — решил он. — А то и впрямь часового снимут, тут дело не чисто!

Теперь он забыл про ветер, который еще какой-нибудь забирался к нему под тулуп, под шинель.

Он уже воображал, как завтра накроют молодчиков.

— И-да! — вырвалось у него.

Сменившись, Кузин сразу пошел к карнаучному начальнику.

— Товарищ карнач, разводящему я не сказал, а на моем посту неблагополучно!

— Ну, что там? — недовольное беспокойством, бросил карнач.

— Шпионы, тов. начальник!

— Что-о? Какие шпионы? — черные глаза карнача впились в скуластое лицо Кузина.

— Что напротив в доме, в двухэтажном! Почитай кажинный раз я их замечать стал! — Кузин подробно доложил свои наблюдения.

Так и сказал: «часового снять?» — переспросил карнач.

— Колька не забудь часового снять? — сказал большой, а бабы спросили: «А потом?» — и более ничего не слышал. Ветрено, тов. начальник!

— Что ж ты раньше молчал! Под носом шпионы, часовых хотят снимать, а ты молчишь? — кипитесь карнач.

— Выследить хотел, тов. начальник!

— «Выследить!» Стукнули бы, тогда выследил бы! Ладно, можешь идти!

Кузин пошел, а карнач шагал по карнаучному помещению и сам с собой разговаривал:

— Вот чудак! Часового снять. Нет, шашли, завтра будьте ласковы! Сейчас командиру доложу и все в порядке.

Он подошел к телефону, постоял минуту в раздумье и взялся за трубку.

— 1-42-34. Да. Товарищ командир! Говорит карнач Виноградов. Пришедший с поста дневальный

Оставив одного красноармейца у ворот, другого у крыльца, Воробьев с тремя поднимался по скрипячей лестнице на второй этаж.

В обшитою клеенкой дверь он постучал. Открыла краснощекая девушка и удивленно спросила:

— Вам кого?

Воробьев, не обращая внимания на ее вопрос, вошел в узкий темный коридор, за ним, стуча сапогами, красноармейцы.

— Да вам кого, товарищи? — опять спросила девушка, поглядывая на штык винтовки.

— Мне необходимо осмотреть квартиру Кольцов, останетесь у двери! — сказал он, обращаясь к черненькому красноармейцу.

— Надо ребятам сказать! — звонок прозвучал голосок девушки, но Воробьев схватил ее за руку.

— Будьте добры от меня не уходите!

— Товарищ! Не надо, не надо заигрывать! — крикнула она и дернула за ручку Воробьева, который хотел повернуть выключатель.

— Что такое, Аня? — спросил вошедший парень, вытирая руки полотенцем и удивленно глядя на пришедших.

— Да вот, Костя, они хотят квартиру осматривать! — как бы прося защиты, говорила Аня.

— В чем дело, товарищ? — спросил Костя.

— Мне некогда разговаривать! У нас здесь шпионы! — выпалил Воробьев.

— Шпионы?! — удивленно протянули Аня и Костя.

— Ребята, зуберите — как там да свет зажгите — спокойно крикнул Костя. Он смекнул в чем дело.

Воробьев, словно по сигналу, оттолкнул их обоих, ворвался в комнату,

за ним ринулись и красноармейцы.

Над столом висел красный фонарь, вокруг которого шесть фигур, наклонясь, что-то рассматривали.

— Руки вверх! — прогремел Воробьев. Люди отскочили от стола и замерли, но ни один не поднял рук.

— Зажечь свет! — крикнул командир.

— Николашка! Каади в фиксаж! — сказала Костя, стоящий в дверях.

— Не смей! — подскочил Воробьев к столу.

— Зажги, Костя, уже положили, — сказал женский голос.

При свете Воробьев увидел, что стол заставлен какими-то посудинами, вернее лицами с жидкостями.

— Что вы тут делаете? — уже более спокойно спросил Воробьев.

— Разве не видите? Фотографией занимаемся! Фотокружок с фармазаводом! — ответил Костя.

По лицу Воробьева пробежала тень улыбки.

— А зачем хотели снять часового?

Ветер заглушил, и Кузин не мог расслышать, что еще говорили люди.

Кузин доложил: напротив в доме заселяют по вечерам шпионы. Да-да, шпионы... Пять мужчин и две женщины. С чемоданами.

Чего? Окна завешивают... Нет, нет, тов. командир, по всем видностям шпионы.

Когда выходили они, то один сказал: «Колька! Часового не забудь снять!» Да, да, так и сказал... Нет... Ничего... Хорошо... Хорошо... Слушайте... До свидания, тов. командир!

★

Командир роты Воробьев не слишком горячо принял к сердцу это сообщение. Но слова «снять часового» лугали и его.

«Чорт их знает, — думал он, — может и верно занесло откуда! Не сидится, дьяволам».

На другой день вечером он сам наблюдал из окна казармы, как прошли эти люди, как тень женщины завешивала окна.

— В открытую, судины дети, работают! — вымучивал он. — Ждать нечего!

Через несколько минут шесть человек с винтовками перебежали улицу.

— Ха-ха-ха!—звонко захихала Аня.— Опоздали, товарищи, мы уже сняли его! Осталось вымыть, высушить и в газету приклеить!

Воробьев ничего не понял.
— Николашка! Покажи ему!— смеялся Костя.

Длинный парень взял одну из посудин и поднес к Воробьеву.
В воде плавало изображение Кузина. С винтовкой у ноги, он стоял, выгнувшись, и вглядывался в даль.
Красноармейцы засмеялись.
— Вот так Кузин! Дорог!

— Ему бы показать!

— Наклеим в стенгазету и напишем: «Одинадцать лет на страже революции. Хорошо будет?»—спрашивала Аня Воробьева.

— Вы можете идти, товарищи!— обратился командир к красноармейцам.
Те с хохотом заргмели винтовками и ушли.

— Как ловко я на вас напал, давно мне хотелось этому всему научиться!..

— Вот и учитесь с нами!
— На заводе нет помещения, а нам нужна темная комната. Комната Кости

глядите какая большая!—разводила руками Аня, точно обмеряя комнату.

— Кто вас анка? Вот тот самый Кузин и доложит: она завешивают... с чемаданами... часового снить... прямо шпиона! Молодец Кузин, знает свое дело, на страже революции!—рассказывал Воробьев. Ребята хохотали.

До вьезда в лагери командир роты Воробьев аккуратно посещал кружок киношников, как его называли красноармейцы. И никогда почти не расставался с черным чемаданчиком.

РАССКАЖЕМ О НАШЕЙ ЖИЗНИ!

В РЕСПУБЛИКЕ, СОСЕДНЕЙ С ТУРЦИЕЙ

П. Мареф

СТАРЫЙ быт еще крепок в этих местах. Я говорю о городах и селениях далекого Аджаристана. В течение ряда лет население смотрело на комсомольцев очень кося.

Теперь это понемногу сглаживается, но авторитет комсомола все еще неустойчив.

Еще и сейчас применяется в отношении комсомольцев такая например оценка: если комсомолец молится, то он хороши, если нет—плох.

Как ни удивителен этот факт, но это так—до сих пор многие комсомольцы и партийцы ходят в мечеть.

В селе Адек-Огян во время поста (рамазана), когда от зари до зари воспеваются употребление пищи, один комсомолец аязл и пообедал. После этого он, бедняга, вынужден был в трепете и страхе убежать из дому.

Старые комсомольцы (с 1923 года) значительно самостоятельнее во взаимоотношениях с родными—выдержаннее проводят свою линию. Но нередки случаи, когда партийцы даже боится употребить мясо в пост, строго блюди обычай отцов. Старики плохо смотрят на комсомольцев. И комсомольцам приходится бороться за каждую мелочь, ну например за... кепки.

По местному обычаю можно одевать только папаху, чалму и башлык. Купать здесь принято в головных уборах.

В отделе „ЛЮД ОБСТРЕАГ“, редакция поставила своей задачей разоблачение классово-враждебных влияний в среде молодежи.

Другие задачи мы ставим в отделе „РАССКАЖЕМ О НАШЕЙ ЖИЗНИ“: отразить многообразие социально-бытовой обстановки, среди которой пошлостью вести работу комсомола Советского Союза и ДОСТИЖЕНИЯ ЭТОЙ РАБОТЫ.

Мы вызываем наших читателей, расскажите на страницах „Смени“ о творчестве молодежи в производстве и строительстве, о ваших достижениях и трудностях, о ваших изобретениях и изобретателях, об организации вашего быта.

Комсомольцы, хотя и не верят в бога, не решаются идти против отцов.

САМЫЙ ОПАСНЫЙ И ХИТРЫЙ

По дороге в Махунцеты я с любопытством заметил, как по обочине на встречу мне шел молодой джентльмен в белоснежной чалме, с тросточкой в руках. Я подумал, что это какой-нибудь почвовед или путешественник, но мой спутник—местный комсомолец разрешил мое любопытство: это был местный мулла.

Ежедневно пять раз в сутки зовет мулла тонким голосом аджарцев в мечеть. Мулла на селе самый уважаемый и почетный человек. Кушает он по дворам—бесплатно. В год он зарабатывает до 400 рублей. Он активен, любопытен, и светит иногда свой нос, куда не следует. В селе Вайо, напр. мулла просил разрешения прийти на открытое собрание комсомольской ячейки:

— Если можно, я приду на ваше собрание.—Ему разрешили. Он сидел до конца и внимательно слушал.

В селе Горджоми, Хулдзиковского уезда, избач Джумилде Ибрагим вел с муллой диалог следующего содержания:

— Что меня ожидает на том свете: я не молось?—вопросил храбрый избач.

— Ты в огне будешь кипеть,—отвечал мулла.

— А если не буду?

— А если молиться буду, простит бог?

— Да, если раскаяешься и будешь молиться четыре часа в день...

— То на том свете тебя сам ногою ударю и в огонь толкну.

Мулла падал до женщины, но его грехи прощаются прихожанам. Каждого умершего аджарца мулла обязан по закону собственноручно вымыть и положить в гроб, за что получает весьма солидную мзду.

Мулла до сих пор «размножались» в школах—«меддрессах». Раньше молодежь очень стремилась учиться в них, но «мода» эта уже исчезает: некоторые «меддрессы» побросали ученые и стали комсомольцами.

Несколько месяцев тому назад из Турции перекочевало много мулл, они быстро свили свои гнездышки в советском Аджаристане. Человек двенадцати таких туристов уже выслали обратно.

С муллами возобладала злорадная и жестокая борьба изначальным влиянием они долго еще будут держать в кости аджарское крестьянство и молодежь. Опасно еще и то, что мулла—наиболее культурные представители села. Есть мулла аджарцы, которые работают преподавателями в школах. Мулла обладал еще и любознательностью. В селе Хямюриси раз в месяц бывает кино; мулла является его акуратнейшим посетителем.

БОЛЬНОЕ АДЖАРИСТАНА

Чадра до сих пор является символом порабощения женщины аджарки. Во все время организации комсомола пока что нет ни одной девушки. 13-ти лет, еще будучи в школе, девушка-аджарка одевает чадру и уже почти безнадежно заставить ее открыть лицо и примкнуть к общественной жизни.

Национальная рознь, национализм пока еще сильны в психике аджарца. Самые реакционные представители мусульманского мира презирают христиан. Среди молодежи это менее развито, но все же заметно. Очень презрительно взгляд аджарца на армян и грузин.

Если аджарец женится на грузинке, это считается позором. Если грузин женится на аджарке—считается грехом. Раньше на этой почве убивали из-за угла. Сейчас столь жестокая расправа не наблюдается.

Кровная месть не исчезла из обихода аджарца. Стоит обругать одного другого, оскорбить—и пошло. Убивают друг друга, а потом уязвляются родственники. Недавно произошло несколько убийств на почве кровной мести. Местные власти бессильны бороться против мести, и тут

Антифашистский поход молодежи Бауманского района в Москве. Митинг на дворе «Электростроя» ГЭП, проведенный 5 января нового года.

Комсомольцы в гостях у красноармейцев — знакомятся с полевой артиллерией.

необходимы законодательные меры, строгий надзор и наказание виновных.

Пограничное положение Аджаристана с Турцией делает отдельные его местности центром контрабанды.

Многие комсомольцы и партийцы соображают легким заработком через контрабанду. Несколько человек партийцев исключено за контрабанду. Но контрабанда влечет, как азартная игра,

возле дверей, ведущих в «женские комнаты», и покуряет трубку. Старик робост, очевидно боится того, что мы пришли за налогом. Объясняем в чем дело. Старик постепенно вступает в разговор.

— Я доволен тем, что сейчас свобода,— говорит он.— В борьбе с меньшевиками я повредил себе ногу. Раньше с нас взятки брали,—сейчас не берут. Я нас азартно

свое правительство, поэтому Джеври зиюму, в (17-летнего сына) послал в комсомол...
— Я стар и молюсь богу, что же касается сына, то это его личное дело, я его не неволю. Вот насчет мудлы я несогласен... без него все пропадет...
Сын—17-летний комсомолец с черным турецким профилем. Он рассказывает о себе:

В СЕМЬЕ КОМСОМОЛЬЦА

С ребятами из укома К С М забираемся нависоющую гору, где и зарослях, как гнезда, стоят домики. Хозяин одного из них — бедняк, сидит на полу, как сторож цыплят, и покуряет трубку. Старик робост, очевидно боится того, что мы пришли за налогом. Объясняем в чем дело. Старик постепенно вступает в разговор.

— Я доволен тем, что сейчас свобода,— говорит он.— В борьбе с меньшевиками я повредил себе ногу. Раньше с нас взятки брали,—сейчас не берут. Я нас азартно

Задаем ему вопросы о боге, о чадре, что носит его жена:
— Чадру со своей женой я не снимаю, потому что одному какому не под силу, если бы все, тогда и я. А вот в бога не верю.
Спрашиваю его о кровавой мести.
— Кровавая месть нехороша,— отвечает он—но если у меня брата убили или отца, то я не вытерплю и уничтожу противника. Кровь у нас такая горячая...

Приведенных мною примеров достаточно, чтобы—хоть и очень бедно—охарактеризовать своеобразность условий и обстановки, в которой протекает работа аджаристанского комсомола.

Было бы крайне интересно, чтобы товарищи из других краев СССР описали свою жизнь,—то основное, что определяет их творчество, их достижения, их болезни, их борьбу и рост.

ЖАРКИЕ БУДНИ

С. ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ

ВГЛЯДИТЕСЬ в жизнь любого предпринятия, попробуйте войти в гущу тех событий, которыми живет оно из дня в день, и вы поймете, сколько увлекательных горячих страниц могло быть написано об этой жизни. Медные казалося бы штрихи, незаметные, когда они разрознены, они, собранные вместе, складываются в картину того массового творчества, каким кипит вся наша жизнь.

Вот—Каменское и его молодежь. Сколько и о них страниц написанных...

О ПОПЕ И О ПОЛИТГРАМОТЕ

Вы слышали про культурный поход? Ну, ясно слышали. Но слышали ли вы про культурный поход на религию?

Нет.
В Каменском—пять сектантских групп, 2 синагоги, церковь, кирха, костел. Кружок безбожников на отдыхе...

Но... самое главное—нищитива. В одном из цехов завода подняли вопрос о школах:

— Отработали комсомольский субботник для семилеток, а где они?—Эта фраза выползла из цеха, проникла в город. На следующий день комсомольцы шушукались с партийцами, с профработниками. Прошло три дня, и по цехам начали бегать комсомольцы с листами белой бумаги.

— Синагогу под школу.
— Кирху под школу.
— Церковь под клуб.
— Костел под культурное учреждение.
Вот лозунги, которые выкинули комсомольцы при поддержке партийцев и профактивистов. Двадцатипятилетняя армия рабочих приздумалась. Начали обсуждать.

Но прошло несколько дней и 4.000 подписей покрыли собой мелкоразграфленные, засаленные, помятые клочки бумаги.

«Мы, нижеподписавшиеся, рабочие мартовского цеха, требуем, чтобы горсовет поставил перед высшими органами вопрос о переоборудовании церкви, построенной на средства рабочих, в клуб».

Вот один из человеческих исторических документов, под которым красуются 136 подписей рабочих.

286 учеников школы ФЗУ, 197 студентов техникума им. Арсеничева, старые рабочие доменного, электрического, силового, прокатного, вагонного и др. цехов, врачи, инженеры, домашние работницы,—все они приложили руку под этими документами, подтверждающими историческое фиаско религии.

...Вот мой старый знакомый комсомолец Герик. Он несколько дней тому назад говорил, что из кампания ничего не выйдет, а теперь... Теперь у него боевая задача:

— Довну, а Яровой и Гончаренко подпишутся за закрытие церкви.

Оказывается, что есть рабочие, которые колеблются. За них-то и берутся комсомольцы.

В результате такой кампании, выросшей в массовую демонстрацию, один из попов взялся за уроки полнтрамоты.

— Готовит в вуз этот поп. И хорошо, многие поступили уже из его учеников,—доказывают мне ребята.

ПИОНЕРЫ КУЛЬТУРЫ

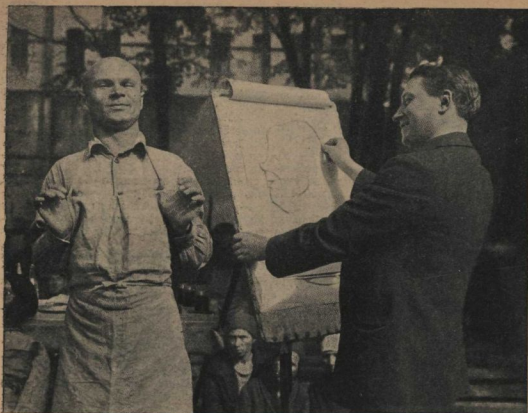
Комната юсекции Центрального клуба труда. Удивительно, что эта большая

комната не тонет в сизых облаках дыма, хотя молодянки заполняют все ее углы. Курить здесь нельзя. Зато читать можно вволю. На столах, покрытых синим сукном, красуются цветы, лежат стопочками газеты и журналы.

Второпях я забыл снять кепи и мне деликатно делают замечание. Я разговариваю с активом. Мне рассказывают о живых делах.

Плакат против курения, нарисованный каменистом комсомольцем Михаилом Свико.

Из среды комсомола вырастают художники, писатели, музыканты, артисты: На снимке занятый фабричного ИЗО кружка.

— Вот у нас литературный кружок «Бессмер» есть, работает хорошо. Один парень, Чигирин, в харьковском журнале печатался. Второй потел над рассказом, думает на конкурс в «Смену» послать.

— У нас и свой художник появился,— хвастает с жаром паренек.— В первом харьковском журнале «Светисет» его рисунок доменных печей на обложке напечатали. Это — Борис Малкин.

— А про Мамонова слышали? Вот парень...

Оказывается, что Мамонов — артист. Этот, безусловно подающий надежды юноша, организовал драматический кружок.

Каменское видело Малый театр, Харьковский первоклассные коллективы, слушало Бочарова, Ирму Янвез и т. д. У каменского рабочего есть к. д. И вот

МОИ ВСТРЕЧИ С ПЕТРУШКОЙ.

(Перенос со стр. 9-ой)

— Кукольщикам, которые выступали против властей, постоянно влетало. В России нас так и гадали на-смерть. Наши тексты конечно не записывали: это, видишь ли, грубо, вульгарно, недостойно внимания мыслящей личности. Теперь и следов почти не сыщешь. Зато всякую поповскую дребедень, да литераторские выдумки, рассчитанные на публику светских гостиных, печатали, изучали... Да что говорить.

Петрушка огорченно махнула рукой.

— А как тебе в последние годы живется? — Сейчас полетче, — он слова оживил. — Сейчас нам помогают. Только знаешь, как еще опять большущая заковычка?

— Чего еще?

— А то, что мы ведь самый что ни на есть массовый театр, насаждают же нас пока что сверху, или же случайные люди идут, не знающие ни быта, ни характера, ни языка масс. Один на грубостях выезжают, другие такую сладенькую мораль разведут,— вот, видад, сегодня утром? Я бы их, я бы их — ух, крувушка застоялась...

Рыжком драчуну окончательно невмоготу стало сидеть на месте. Ходи изба, ходи печь, Голова буржуку с пачей выплясывал он, дробно выстукивая сапожками и отшвыривая дубинкой жесткие удары по невидимым врагам:

Их, да их, да их да их,
Кому горе, кому смех —
Лука, Ладого, Калуга,
Тула, родина моя...

Я поднялся. Ирема было уже за полночь.

Что-ж, будь здоров, не забывай... — внезапно остановившись крикнул Петрушка.

— Не забуду, не забуду. Ну, желаю тебе попасть в настоящие руки.

— На настоящие руки, — поправил Петрушка со смехом.

— И то, и другое.

В СВОИХ САНЯХ

Тридцать неузнаваемых «фуртистов» (так называл нас в шутку наш физкультурник Селезнев) переваливали через полатню, собираясь уже «отчаливать» в город. Все были довольны прогулкой.

В тихом вечернем воздухе чернели заброшенные ветхие вагоны, давно снятые с холес, и оттуда гулко доносились серебряные баяны с бубенцами. Большой заплясанный вагон был до отказа набит крестьянами, железнодорожниками, воскресной публикой попроще. Визну, на полотно, стояла с презрительной grimасой пара намазаных девиц с лоцменными пикончиками и делала вид, что они здесь по чистой случайности.

— Что тут такое? — спросил я у одного из пыхоню.

— Какой-то там шеф приехал, сукон-

это же Каменское повалило на постановку Мамонова «Рычи Китай». Три раза при огромнейшем успехе прошла постановка Мамонова.

ДОГАДКА МИХЕЯ СИВКО

— В красных уголках не было тебе спасения,— рассказывает Герик,— от дыму. После работы — собрания, а дым давит, невозможно сидеть. «Ты чего, Жучка, куришь?» — спросишь, бывало, у парня, а он только огрызается: «Катись, Захуха!».

Начали измысливать способы борьбы против курения. Мозг многих ребят сверлила эта мысль...

Остроумней других оказался рабочий силового цеха — Михей Сивко. Он нарисовал осла в кепке, с папиросой в зубах и с глупейшей ослиной улыбкой.

Под этим плакатом было написано: «Здесь курить нельзя!».

А дальше крупными буквами: «А я — курю!».

Тире означало: осел. Иначе говоря: «А я, осел, курю».

Приходили ребята, по-старинке закуривали, а им плакат показывают:

— Смотри!

Все смеялись, подтрунивали, курящий смеялся тоже, желая скрыть смущение, но папироску незаметно кидал.

С игрой в карты, которую мы причесло видеть на «небесах», тоже повели борьбу. С пьянками — тоже.

На этом фронте райком комсомола пошел ожесточеннейшую кампанию. Герик рассказывает:

— Мы сами берем на себя инициативу устройства вечеринки. Приглашаем из каждого цеха по несколько десятков девушек и хлопцев. Сначала — художественная часть, а потом — горячий ужин, без алкоголя. Все пришедшие на вечеринку считаются между собой знакомыми.

ная фабрика, что ли,— ответил он и отпернулся.

— Был да это были все те же милые друзья — Петрушка с Марфуткой. Мы опоздали: они отплясывали при желтом свете керосиновой лампочки, прощаясь с публикой:

Нам и роскошь не нужна,
И прикрасы позынье,—
Только была бы дружина
Братва молодецкая!

Когда в вагоне стало посвободнее, я протиснулся к балагану.

— Как живешь? С молодцами, что ль, повелась?

— А, здоров, здоров! Дела у нас в гору пошли — звелел он, потряхивая кудрями.— В рабочий клуб, в юнсекцию попал. Сразу три кружка за меня ухватились: изо, музо и драмзо. Ребята — что надо, а когда развернутся бывает такое прыдо идет, только хлопья летят. Но, в общем...

— Доволен?

— Еще бы, — и на вечерах, и антрактуно скучишь распротриши, не к одним кампаниям — всюду, всюду нос суею,— благо динный. Живем — не тужим, кого гладым, кого уютим. Да приходи — посмотришь: темнеет, видишь, домой пора.

Наша компания очень заинтересовалась Петрушкиными словами, и мы долго говорили о том, как бы у себя устроить петрушечный кружок.

Под редакцией С. ГЛАЗЕРА

№ 7. ЗАДАЧА

В белых клетках шахматной доски расставьте 8 четырехбуквенных слов по горизонтальным рядам. Слова имеют следующее значение:

1. Птица
2. Время года
3. Часть дома
4. Преследовавшееся
5. Часть топора
6. Литературное проявление
7. Месяц
8. Порода лошадей.

Эти слова расставить на доске так, чтобы по диагонали можно было бы прочесть фамилию революционного деятеля, близкого молодежи.

Ш. Хаскин

Автору — 3 очка
За решение — 1 очко.

Ходом шахматного коня прочтите ребус.

А. Караченев.

14. Порода собак
15. Дюветый газ
16. Татарский язык
17. Учреждение связи
18. Животное
19. Часть факкультета
20. Глаз
21. Число
22. Сооружение через реку
23. Элемент таши
24. Уничтожение людей
25. Математикан
26. Обединение в крупные хозяйства.
27. Выделение косяк

А. Деркавин

Автору — 3 очка
За решение — 2 очко

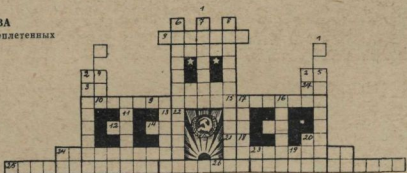

Ловяги к этому ребусу найдите на нем же. Решение — 1 очко.

№ 6. ПЕРЕПЛЕТЕННЫЕ СЛОВА

Расположите в этой фигуре ряд переплетенных слов «запутанного» значения.

1. Слов молодежь
2. Коммунистическая партия
3. Социальная партия
4. Гемогригическое тело
5. Сельскохозяйитель
6. Учение Ленина
7. Борен в коммунист (с шибкой)
8. Высшая ступень развития общества.
9. Пародод для погрузки леса
10. Рычаг
11. Группа элементов (химических)
12. Нога
13. Одежда древних римлян

СТИХОТВОРЧЕСТВО

Под редакцией В. ПЯСТА.

К ПЕРВОМУ КОНКУРСУ АКРОСТИХОВ

В качестве примеров «стильных» акростихов на имена поэтов, мы можем привести несколько.

АКРОСТИХ В. П. ГАЙДЕБУРОВА

Праздничными звуками играя,
Улыбкой жизнью встречая, как дитя,
Шутил он над рекою радости рай,
Как солнце — согретья и света —
И на людей — смиренных и безветных —
На всех взирал — как луч с высот небесных.

Д. С. ИВАНОВ ту же тему разрешил так:

ЗА ЧТЕНИЕМ ОНЕГИНА.

Печуный стих как-будто над собою
Улыбка не ведал и трупод.
Широкой ой катился рекою,
Как лосн смысл, как четкость слогов!
И все так просто... Кажется, что сам бы
Не выискал иначе эти ямбы.

На неоконченный конкурс «Красной газеты» был прислан и такой акростих:
Алой ворькой в мороз
Любо троянку запречь —
Един сердце нежить
Короветку утешить...
Сколько раз повторился
Ей желанный вопрос:
(В) (и коротко): Да!
Красно музыки звезд.
Омлевет душа...
Лыжи кони летят.
(В) (и коротко): Да!
Цель торжисте назад...
Одного только нет —
Возрастачин; лет.

Акростиха неизвестного автора нельзя не отметить: во-первых — интересное разрешение заглавным буквами ки короткого и «мягкого» ямбы; во-вторых — стиль колывновских «Душ» ильдеров владыка.
Читатели могут посылать акростихи на современных поэтов, — на тех, кто нравится, — и на новое слово написать и его же стили вытравить. Конкурс будет таким образом вместе с тем мерзлом популярностью того или иного поэта среди молодежи.

КОНКУРС ПАНТОРИФМЫ

На этот конкурс к концу года пришло не мало произведений. Очень интересное принадлежит девушке:

Эмпилибриуму.

Пастух пас. Тухлый день играл
Рожком... Рож, комыя проивая...
Круило куб. Любит дойти Рай,
Возьмет нос метел Прон-Зан.
Немой (но мой) восток пылает,
Туман ту манит травлю тышь...
Огнем (о! тем стих) тонка лает
В пасти (вместе и)... отрав ютись...

Это стихотворение автор делит на 24 части. Оказывается лишь по одному слогу в каждой строке (средние части: дль, Он, ва и т. д.) не имеют отзвука о другим. Все прочие части в звуковом отношении являются парными. Жаль только, что уж очень напутан смысл, что ищет «отзвук»? Кроме того в последнем стихе нарушен ритм: вместо двух ямбов (дизямбов) он начинается «дихорея».

Он же прислал несколько пустячков:
Арбу авали «Белая», —
Арбуз Вали ела я
Лев! Ой! Стой, товарищи!..
Левой с той товар ищи.
Очень недурн панторифма «Культурного» достает:

Двор никто не убирает..
Дворник-то не убирает..
Кухне — М. Сорокина (из с. Воскресенского по Ветуге):
Соня, право в поле был
Сон и, право, позыбал.
Прочие панторифмы—А. Караченев, А. Дер-
жавина, М. Кучина и др. — решительно не удовлетворяют и ритмическом отношении. Надо же, чтобы стих хоть сколько-нибудь шел, хоть сколько-нибудь походил хотя бы на вот этот певучий, «копыловский» акростих неизвестного автора.

КОНКУРС ПАЛИНДРОМОНОВ

С. М. П. — и плет

Охоту на кабана.

Липов сел в аму. «Зубарт» — лану за бакн.
Лет. Хорошио вев!.. Туза за куруе. Вот!
Шорох!.. Гуай. И кабан упал, траву умыв. Дес
вопал!

Примеч. автору: «Зубарт» — имя собаки.

Палиндромы «Культурного» достают: «Вор в лосу сел в рору», Палиндромы А. Караченев: «А как Липы выпис Санка.. О, вот кабак.. как смать.. вабак топор.. «Но никто как хороши он, по шорох-ваи от динев, «А кланы! Нет слезы», «подка». «Ата берет и рагу.. Угорите ребята», «Шорох.. а баран рабуа хороши».

Палиндромы Мельникова: «Ушел казан Леву», «У бар как рабуа?» «А баран тут как тут на рабуа, «У, рад пол дарту», «У, нечет море у тещи он жеву», «Фона папа понос», Палиндромы А. Деркавина: «Наско иеру—не рору теще», Палиндромы М. Сорокина: «Мы да дым», «А краб — как баран».

К КОНКУРСУ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

«Рифмованная версальность» сообщает, что алмаз — туман взято и Орешкин на Вардольте песни:

Все тутки приваляли,
И в поле пал туман,
Ожакси, о чем задумался,
Ожакси, наш алмаз!

Критика его на «розынь-розынь» не выдерживает критики. «Рифмованная версальность», основываясь вероятно на стихике С. Гордоченного:

Давно ли, ах давно ли,
Сказать и не могу, —
Дарил розынь Озе
На бархатном лугу

думает, что слово «розынь» имеет ударение на «а», тогда как у Гордоченного это ударение — «розынь», для обозначения длинного прошедшего дня: поэт ввел его для того, чтобы предать колорит ветхости своим старикам: ладст что тому извал может быть действительное говорить «розынь», с ударением на «а», — теперь же — только «розынь».

Кстати имеет ударений. Рифмовщик, вроде «мусолит» — Мусолинди, «набыла» — Побила, «смотри на все!» — «собирает», абсолютное не прирешалось. Фамилия Нобале имеет ударение на «о», Мусолинди на «и». Или вот некоторые контрпримеры поделают рифмы вроде «обруч — круч», «Неужели они полагают, что слово «обруч» имеет ударение на «у»? Или же они считают, что в русском стихе, как в немецком, достаточна наличность одинаковых звуков, чтобы слово рифмовало?
Автор рифмы «Пупини-лячача» утверждает, что в его стихе «лячача» дословная описка и что он рифмовал «Пупини итупини», а «лячача-задачка». Но все-таки «лячача», то бишь, рифма — хромая!

ШАХМАТЫ ШАШКИ

Под редакцией С. М. Слонима

Под редакцией В. В. Медкова

Задача № 3

Велес: Кр1, Фб6, Лс1, П1, Сд2, Кс4 и f3, Пв3, с3 и d3 (10).
Черные: Крб6, ф7, Лд7, Св8, Кв8 и h6, Па7(7).
Мат в 2 хода.

Задача № 4

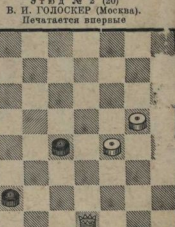
Велес: Кр1, Фб6, Кс1, Пв8 и e4(5).
Черные: Крб6, Пс3 и b3(3).
Мат в 3 хода.

Задача № 2 (19)

Велес: Д1, в7, б6, с7, пр, д4, с1, e5(9).
Черные: пр, в2, h8 (2)
Велес начинает и заигрывает простую черых.

Этюд № 2 (20)

Велес: Д1, пр, f4, с3
Черные: пр, в2, d4, h6
Велес начинает и заигрывает.

За решение этюда в конкурсе решеним будет выдано за 2-ю задачу—3 очка, за 3-ю задачу—3 очка.

Решения задач и этюдов 2-го конкурса

Велес "соль" этюда по второму ходу белых—интересен и эффектен мажорно. (Л. А. Р.)

ШАХМАТНЫЕ НОВОСТИ

Матч Боголюбов—Эйве

Второй матч Боголюбов—Эйве окончился все с тем же результатом: 5½—4½ в пользу Боголюбова. Стойкость голландского мастера в матчах с чемпионом яву отлична: как известно в предыдущем матче с Алексием и Боголюбовым имели тот же результат.

Вать матч-реванш Алексиев-Калапабана. В связи с этим переговоры о матче пока прекратились. По другим сведениям, Алексиев по дороге из Польши, где его гастролируют, посетит в Голландию для переговоров о матче с Боголюбовым.

Чемпионат МГПС

Заканчивая впервые организованный по новому варианту чемпионат МГПС, в котором участвовали чемпионы всех московских клубов (14-й при и владее чемпионом МГПС завоевал С. Слоним (печатаю) +12½), (из 15), прошедший турнир без одного поражения, на 2-м месте—Н. Рюмин (соотсоружающий).

Турнир в Сорбухове

Сорбухов очевидно решил сделаться советским Эстингом и по его образу устраивать рождественские "международные" состязания. В этом году в качестве гастролеров участвовали москвичи М. Григорьев, Кан и Рюмин. Победителем вышел Н. Рюмин. Григорьев разделил только 3-4-е место.

Почтовый список

Тов. САМОСОНУ.—Лучшим пособием для изучения шахматной теории (с указаниями в сторону для изучения дебютов) является книга Н. Кислицына "Курс дебютов" (изд. Госиздата, Д. 3-й) Построена она по образцу известного Шаферова, но с учетом всех новейших достижений теории. Тов. ГРОНСКОМУ.—Самым популярным шахматным журналом является "64", орган ВПСО, с шахматами и шашечным отделами.

Тов. ЛЕЙТЕР.—Местные квалификационные комиссии имеют по существующему положению право присваивать все категории до 3-й включительно. Таким образом сами претенденты не основательны. ФЕМАТА.—В предыдущем шахматном отделе ("Смена" № 1) были допущены грубые опечатки: в валаде № 1—шашки фигура на с7, в валаде № 2—на d1 и вместо белых поставлены черные фигуры.

КАЖДЫЙ ЧИТАТЕЛЬ МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ "СМЕНУ" СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНО

Для этого необходимо собрать подписку на 10 экземпляров. Смена завербованных подписчиков с точным указанием имени, фамилии, адреса, срока подписки и указанием тех приложений, которые желает получить подписчик, посылает распространителю по адресу: Москва, Новая пл., д. 68, изд-ву "Молодая Гвардия". Одновременно с этим по почте посылает переводом собранную сумму подписки по списку. Кроме того среди распространителей журнала в 1929 году будут разыграны денежные призы на сумму 500 руб. В розыгрыше принимают участие все читатели, собиравшие на меня пять подписок. Мелкие распространители, собиравшие небольшое количество подписок, будут разыграны особые призы! Для участия распространителю.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

Журнал "Смена" 1 год—2, 6 мес.—1 р. 05 к., 3 мес.—55 к. Журнал "64" в 1929 г. в НА ЧОРЕ: 1 год—1 р. 45 к., 3 мес.—75 к., 3 мес.—40 к., Выдается "ЖУРНАЛ ПОРТОС" 1 год—35 к., 3 мес.—20 к., "ВИДЛИТЕКА ШУШЕТСВИЙ, ПРИЛОЖЕНИИ И КРАВЕДНИК" (6 книг)—3 р.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ МАСТЕРСТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМСОЛСКИЙ ЖУРНАЛ "СМЕНА"

РЕДАКЦИЯ: Москва Центр, Новая площадь, дом 6, телефон 1-81-01.
КОПИРА: Москва Центр, Б. Чернышевский пер., дом 6, телефон 5-67-03.

№ 3 Февраль 1929 год

Содержание: ОРЕСТ РОВИНСКИЙ—Рейд за облаком (рассказ), В КРАСНОЙ АРМИИ (фото-эпиграма), И. СЕРГЕЕВ—Штаб военной культуры (очерк), ИСТОРИЯ ОДНОГО ВОПРОСА (по материалам расследования) И. ГРЕК—Встречи—История (очерк), В. АНДРИЕВ и И. БОГДАНОВ—Александр Александрович (очерк), И. КУДРИШИН—Шпионы (рассказ), РАССКАЖИ О НАШЕЙ ЖИЗНИ: П. МАТЕР—В репутацию, сошедшей с Троицы; С. АНДРОПОВ—Жизнь в лагере; В. ЯКИН—А. ЗАК—Славяк и украинский стихотворчество, ПОПОРУЧЬ И ТЫ ШАХМАТЫ, ШАШКИ.

Ответственный редактор Г. ЯРЦЕВ